

УДК 111+17.021.2
DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-73-94
EDN: PXTLYW

А. В. НЕХАЕВ

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

НАКАЗАНИЕ (НЕ)ВИНОВНЫХ?

В статье содержится критический анализ теории типов-токенов Марка Уокера. Данная теория призвана описать, объяснить и оправдать механизм, посредством которого морально-правовая ответственность может возлагаться на точные и полные дубликаты личностей. Однако защищаемый Уокером взгляд на личности как на абстрактные сущности наталкивается на ряд метафизических возражений. В качестве альтернативы на основе принципов агентского права разрабатывается новый подход к морально-правовой ответственности, в котором понятие виновного лица не требует тождества с лицом, совершившим виновное действие.

Ключевые слова: тождество личности, моральная ответственность, теория типов-токенов, психологический секвенциализм, наказание невиновных, агентная эквивалентность, виновность.

Такие странные фикции полезны для философского умозрения, чтобы лучше выяснить природу наших идей.
Готфрид Вильгельм Лейбниц, «Новые опыты о человеческом разумении», Кн. III, Гл. 6, §22
Так как личность является судебным термином, а не термином естественных видов, имеет смысл включить юридические соображения в исследование природы личности.
Эрик Виланд, «Personal Identity and Quasi-Responsibility», p. 86

1. Нюрнбергский трибунал 2.0: метафизика и моральная философия. В своей статье Марк Уокер предлагает интересный мысленный эксперимент, задача которого проверить наши интуиции об условиях морально-правовой ответственности точных и полных дубликатов агентов за действия их оригиналов. Уокер полагает, что в его воображаемом примере с Гитлером 2.0 (*H2*) такие условия были соблюдены, и поэтому он должен быть наказан за совершенные Гитлером 1.0 (*H1*) преступления против человечности.

Ключевой аргумент защиты *H2* на Нюрнбергском процессе (и, соответственно, основной объект критики Уокера) формально имеет следующий вид:

(D1) Чтобы *X* был наказан за преступление, *X* должен быть в нем виновен.

(D2) Чтобы *X* был виновен в преступлении, *X* должен быть ответственным за него.

(D3) Необходимым условием ответственности *X* за преступление является тот факт, что *X* действительно его совершил¹.

(D4) Следовательно, чтобы *X* был наказан за преступление, *X* действительно должен его совершить.

(D5) *H2* не совершал преступления (против человечности).

(D6) Следовательно, *H2* не должен быть наказан.

Данный аргумент опирается на правовой принцип (J2) *nemo punitur pro alieno delicto* («никто не наказывается за преступление другого лица»), но для поддержки D5 защита приводит также и дополнительный метафизический аргумент:

(D5.1*) *H1* и *H2* не состоят в отношениях нумерического тождества.

(D5.2*) Только один из них совершил преступление (против человечности).

(D5.3*) Преступления (против человечности) совершил *H1*.

(D5.4*) Следовательно, *H2* не совершал преступления (против человечности).

Уокер атакует посылку D5, разрабатывая для этой цели оригинальную теорию тождества личности ТТТ, концептуальным ядром которой является отношение типов-токенов. Я буду атаковать две другие посылки — D1 и D3, поскольку, хотя я и согласен с результатами критики Уокера в форме общего вывода, что *H2* должен быть наказан за преступления против человечности, я сомневаюсь в правильности ее оснований. Применительно к вопросам тождества личности ТТТ видится мне метафизически экстравагантной (из-за ряда возникающих в ней неприятных обременений), а интерпретация сдерживания, как функции наказания, предложенная Уокером, не совсем корректной.

Против посылки D1 формально мой аргумент будет следующим:

(N1) *H2* не виновен, однако есть условие *Y*, которое оправдывает наказание *H2* за преступления (против человечности).

(N2) Следовательно, *H2* должен быть наказан.

Против посылки D3:

(N1*) *H2* виновен, так как есть условие *Z*, которое определяет виновность *H2* в преступлениях (против человечности).

(N2) *H2* должен быть наказан.

Так как оба эти аргумента содержат в качестве вывода предписание наказать *H2* независимо от факта его виновности или невиновности, мне следует пояснить, что именно я буду понимать под наказанием. В интересах аргументации я принимаю дефиницию Мэтью Альтмана [1, р. 21]:

(L) Наказание — это наложение бремени на некоторое конкретное лицо (либо определенный круг таких лиц) признанным авторитетом за то, что кто-то нарушил правило, которое было принято как правило или должно было быть принято как правило.

С моей точки зрения, такая дефиниция обладает очевидными преимуществами относительно других альтернатив², — и прежде всего, она нейтральна к вопросам тождества личности и возложения моральной ответственности, а значит, совместима со всеми основными подходами к тождеству личности и почти с любой теорией моральной ответственности.

2. Что значит быть невиновным в том, чего не совершал? В целом, существование системы правосудия, в которой *возможно* (а иногда и фактически происходит³) наказание невиновного лица, обычно не вызывает особых возражений. Наказание невиновных не является целью системы правосудия, а *risk* быть наказанным для невиновного лица сам по себе не делает такую систему чем-то морально возмутительным, поскольку существуют обстоятельства, при которых вполне допустимо сознательно подвергать риску наказания невиновных людей [8, р. 237–238, 240–241; 13, р. 340; 14, р. 8–9]. Я не буду здесь отдельно рассматривать общие конвенционалистские стратегии защиты тезиса о *допустимости* наказания невиновных, которые апеллируют к соображениям политической морали и рациональности, вроде аргументов следующего вида: «... пока существует надлежащая правовая процедура, мы не нарушаем прав невиновных людей, когда их наказываем. Риск быть наказанным — это риск, на который мы все должны пойти, чтобы в принципе быть под защитой закона» [15, р. 390]. Вместо этого я сосредоточусь на специальных аргументах, позволяющих нам принять обязательство наказать *H2*, даже несмотря на *знание факта его невиновности* в преступлениях против человечности, совершенных другим лицом, а именно — *H1*.

Один из таких специальных аргументов Уокер делает основой линии обвинения на Нюрнбергском процессе. Опираясь на правовой принцип (J3) *Impunitas semper ad deteriora invitat* («безнаказанность всегда приводит к совершению еще более тяжких преступлений») и демонстрируя приверженность доктрине сдерживания, как ключевой функции правосудия, сторона обвинения заявляет:

(P1) Если *H2* не будет наказан, существенно (и даже катастрофически) возрастет уровень преступности.

(P2) Мы не должны допускать рост уровня преступности в будущем.

(P3) Следовательно, *H2* должен быть наказан.

Обычно считается, что доктрина сдерживания⁴ содержит моральное оправдание необходимости наказаний (в виде намеренных действий по причинению страданий преступникам), которое руковод-

ствуется логикой утилитарных теорий наказания [1, р. 1–2; 10, р. 39–41; 16, р. 151–152]. Утилитаризм традиционно настаивает на том, что всякое морально правильное действие — это действие с наивысшей ожидаемой совокупной полезностью. Практика наказания людей за преступления, несмотря на намеренное причинение им страданий, имеет важные полезные последствия. Предположим, что наказание определенного лица *X* снижает ожидаемую совокупную полезность в некотором политическом сообществе на величину *s*, но при этом сдерживает *n* потенциальных преступников, которые, в противном случае, совершили бы свои преступления, снизив тем самым совокупную ожидаемую полезность на величину *s** (из-за страданий, причиняемых невинным жертвам). Во всех случаях, когда $s < s^*$, наказание *X* считается морально оправданным действием, так как предполагает большую ожидаемую совокупную полезность, чем доступная альтернатива в виде отказа от наказания *X*. Однако, по мнению критиков утилитаризма, подобная логика назначения наказаний может предоставить оправдание (по крайней мере, при определенных обстоятельствах), а иногда даже и прямое предписание для намеренного наказания невиновного лица [6, р. 468–469; 10, р. 41–42; 17, р. 253–255; 18, р. 39–41; 19, 2002, р. 45–46; 20, р. 121]. Интуиция подсказывает нам, что есть что-то глубоко неправильное в том, чтобы намеренно наказывать *X* за преступление, совершенное кем-то другим⁵. Поэтому без какой-либо серьезной дополнительной поддержки аргумент обвинения P1–P3 проваливается, ведь он кажется нам крайне неубедительным, а лежащая в его основании логика утилитарных теорий наказания ошибочной⁶. Понимая это, Уокер обращается к метафизике тождества личности и выстраивает теорию ТТТ, чтобы нейтрализовать интуитивное сопротивление обвинительному приговору *H2*.

Центральная и одновременно революционная идея ТТТ заключается в том, чтобы рассматривать личность как *абстрактный объект*. Ни для кого не секрет, что в современной метафизике нет согласия относительно возможного ответа на вопрос 'Что такое личность?'. Существует множество кандидатов на роль того, что мы должны называть 'личностью', среди которых наибольшим вниманием пользуются такие объекты, как животное вида *Homo Sapiens*, его пространственная часть в виде мозга, нематериальная часть в виде души, трехмерный кусок материи в виде тела человека, психологическая сущность, четырехмерный кусок материи, мереологическая сумма мгновенных пространственно-временных срезов, нарративная фикция. Выбор конкретного кандидата принципиально важен, поскольку он определяет существование какого сорта объектов мы будем выявлять и затем отслеживать во времени. Уокер предлагает расширить список кандидатов, добавив в него еще одного — абстрактную сущность (или личность-тип). Проще говоря, он предлагает рассматривать личности как объекты, которые в способах своего существования подобны числам, геометрическим фигурам, музыкальным произведениям и шахматным дебютам. В предложенном им мысленном эксперименте на самом деле принимают участие не два объекта — Гитлер (*H1*) и дубликат Гитлера (*H2*), а целых три — Гитлер-тип (*H*), один токен Гитлера (*H1*) и второй токен Гитлера (*H2*). Существование абстрактной сущности *H*, по мнению Уокера, позволяет успешно блокировать

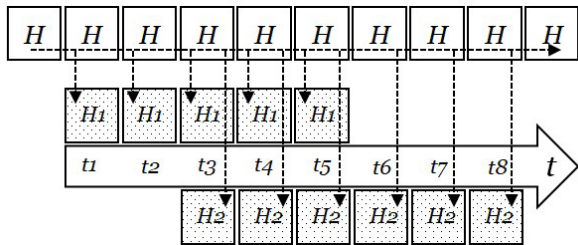

Рис. 1. Теория типов-токенов.
 Модальный сценарий распределения ответственности между типом H и токенами $H1$ и $H2$ (пунктирная линия обозначает траекторию вменяемости ответственности от типа к токенам; квадраты с точечной заливкой обозначают надлежащие объекты для наказания)

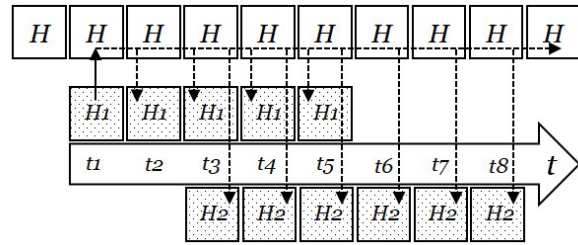

Рис. 2. Теория типов-токенов.
 Трансмиссионный сценарий распределения ответственности между типом H и токенами $H1$ и $H2$ (сплошная линия обозначает траекторию вменяемости ответственности от токена к типу; пунктирная линия обозначает траекторию вменяемости ответственности от типа к токенам; квадраты с точечной заливкой обозначают надлежащие объекты для наказания)

аргумент защиты D5.1* – D5.4*, поскольку именно на нее предлагается возложить ответственность за совершенные преступления против человечности.

Проблема в том, что предложение Уокера (несмотря на свою соблазнительность) наталкивается на естественное возражение, основанное на апелляции к природе абстрактных объектов. В отличие от материальных объектов $H1$ и $H2$, абстрактная личность-тип H лишена пространственно-временной локализации и, что особенно важно, является каузально инертной сущностью. Обе характеристики делают H крайне подозрительным объектом для возложения ответственности за вполне конкретные события (Холокост, подготовка и ведение агрессивной войны на большей части территории Европы, террор против мирного населения на оккупированных территориях, использование рабского труда и т.д.). Есть всего два сценария того, как каузально инертная сущность, вроде H , может приобретать моральные свойства в виде ответственности.

Первый сценарий — *модальный* (рис. 1): личность-тип H кодирует свойство R ('быть ответственным за преступления против человечности'); материальные объекты $H1$ и $H2$ являются токенами личности-типа H , если и только если они экземплифицируют свойство R , которое личность-тип H кодирует.

Казалось бы, основой модального сценария является простая и привычная схема рассуждений ' H есть R ' \Rightarrow 'Каждый $H_{\{1,2,\dots,n\}}$ есть R '. Однако, рассуждая таким образом об абстрактной личности-типе H и ее предполагаемых токенах $H1$ и $H2$, мы совершаем ошибку. Мы пытаемся необоснованно вывести из модальной аксиомы о свойствах абстрактных объектов $[\exists HR \rightarrow \sim HR]$ свойства конкретных объектов, без которых их нельзя считать токенами рассматриваемого нами абстрактного объекта. Для этого мы представляем свойство 'быть токеном H ' в форме конститутивного условия:

(CC) быть таким объектом, для которого *необходимо*, если данный объект существует, он *экземплифицирует* свойство R [H ($E!H \rightarrow RH$)].

Это предоставляет нам достаточные основания для обвинительного приговора $H2$ на Нюрнбергском процессе, но ценой крайне неправдоподобного модального утверждения, что ни в каком из возможных миров (включая миры, в которых события актуального мира, вроде Холокоста и других преступлений против человечности, не имели места) ни один конкретный объект не мог бы быть токеном H без того, чтобы не быть ответственным за преступления против человечности. Такое решение сви-

детельствует об ошибочном понимании модальной аксиомы, ведь буквально она утверждает только то, что свойства, возможно кодируемые абстрактным объектом, кодируются одним и тем же абстрактным объектом во всех возможных мирах. Понятие возможности для абстрактного объекта не предполагает никаких процедур сравнения возможных миров, в которых рассматриваемый абстрактный объект мог бы быть иным, чем то, каким мы его определили (т.е. модальная аксиома запрещает, чтобы абстрактная личность-тип H кодировала в возможных мирах какие-то другие свойства, отличные от тех, что кодирует в актуальном мире). Конкретные объекты не ведут себя сходным образом в модальных контекстах, так как очевидно, что они могли бы быть иными, чем есть⁸ (т.е. модальная аксиома вовсе не запрещает токенам $H1$ и $H2$ экземплифицировать свойства, отличные от тех, что кодирует абстрактная личность-тип H). По этой причине максимум, на что мы можем рассчитывать в своих выводах из модальной аксиомы относительно свойств конкретных объектов, — это только тривиальное утверждение 'возможно существует конкретный объект, экземплифицирующий свойство R , кодируемое H ' $[\exists(H)(R)(HR \rightarrow RH)]$. Корректная схема рассуждений для модального сценария в действительности имеет следующий вид: ' H есть R ' \Rightarrow ' H как тип отличается от другого типа X только тем, что среди его токенов $H_{\{1,2,\dots,n\}}$ возможно есть такие, которые R '⁹.

Второй сценарий — *трансмиссионный* (рис. 2): на абстрактную личность-тип H возлагается функция приема свойства R ('быть ответственным за преступления против человечности') от *одного* токена ($H1$) и *передача* его другому ($H2$).

Трансмиссионный сценарий эксплуатирует так называемую *авангардную* схему рассуждений: ' $H_{\{1\}}$ есть R ' \Rightarrow ' H есть R ' \Rightarrow ' $H_{\{2\}}$ есть R ' [30, p. 120]. В отличие от модального сценария, здесь мы видим, что абстрактная личность-тип H не всегда обладала свойством R , а приобрела его лишь благодаря *действиям* одного из своих токенов. На первый взгляд трансмиссионный сценарий может показаться более естественным, чем модальный, но это только на первый взгляд.

Лежащая в основе данного сценария мотивация, связанная с попыткой каким-то образом отделить друг от друга такие два важных свойства отдельных токенов $H1$ и $H2$, как 'совершить действие, заслуживающее R ' и 'быть ответственным за действие, заслуживающее R ', в целом правильная. Она опирается на идею существования разных видов моральной ответственности [31; 32; однако ср. с этим:

33; также см.: 34], траектории возложения которых не обязательно *всегда* должны совпадать друг с другом, а вполне могут *инорга* и расходиться¹⁰. Точно так же, как и некоторые важные для выживания личности отношения (вроде психологической преемственности), моральная ответственность (в зависимости от вида) может быть как отношением формы (r1) *тот самый — тот же самый* (в ситуациях ответственности за действие), так и отношением формы (r2) *одна — другой* (в ситуациях ответственности за последствия действия)¹¹ [35, р. 121]. Проблема в том, что в трансмиссионном сценарии в целом правильная мотивация проваливается по независимым метафизическим причинам: свойство *R*, приобретаемое токеном *H1* в момент времени *t1*, просто не может быть, так сказать, «поднято волшебным метафизическим лифтом на платонические небеса от одного токена и затем спущено обратно на другого».

Прежде всего, для нас является загадочным сам механизм *подъема свойств от отдельных токенов к их типам*. Приобретаемые токенами в процессе своего существования свойства, действительно, иногда могут нами быть приписаны типу, но только при условии, что *каждый* токен этого типа обладает таким свойством. Поэтому корректная схема трансмиссионного сценария должна была бы принимать следующий вид: 'Каждый $H_{\{1,2,\dots,n\}}$ есть *R*' \Rightarrow '*H* есть *R*'. И это полностью его обесценивало бы. Рассуждая подобным образом, мы никак не продвинулись бы в решении вопроса о виновности и наказуемости *H2*. Единственное, что нами твердо установлено, — это то, что ' $H_{\{1\}}$ есть *R*'; обладай мы знанием 'Каждый $H_{\{1,2,\dots,n\}}$ есть *R*', вынесение обвинительного приговора для *H2* на Нюрнбергском процессе стало бы банальной формальностью. Разумеется, Уокер и сторонники ТТТ могли бы обратить наше внимание, что для данной схемы трансмиссионного сценария имеются свои исключения. Если какой-то отдельный токен, принадлежащий определенному абстрактному типу, в процессе своего существования приобрел некоторое эксклюзивное для токенов данного типа свойство, то такое свойство в принципе могло бы быть приписано типу. К примеру, не было бы ошибкой утверждать 'Человек впервые ступил на поверхность Луны 20 июля 1969 года' на основе того факта, что один из его токенов, а именно — Нил Армстронг 20 июля 1969 года ступил на поверхность Луны. Однако подобные исключения не спасают трансмиссионный сценарий, поскольку очевидно, что утверждение 'Человек впервые ступил на поверхность Луны 20 июля 1969 года' не дает нам достаточных оснований для вывода о том, что 'кто-то еще, кроме Нила Армстронга, принимает ответственность за произошедшее 20 июля 1969 года на Луне событие на том простом основании, что он тоже человек'.

Кроме того, вопросы вызывает *асимметрия* в работе механизма *спуска свойств от определенного типа к отдельным токенам*. Почему какие-то действия отдельных токенов, облагаемые ответственностью, создают условия, при которых она может быть перенесена на другие токены, а какие-то — нет? Уокер не отрицает наличие подобной асимметрии и даже приводит пример: за день до начала Нюрнбергского процесса *H1* совершает очередное правонарушение — переходит дорогу в неполюженном месте. Согласно принципам ТТТ, в отличие от ответственности за совершенные *H1* преступления против человечности, ответственность за

данное правонарушение на *H2* не налагается. Уокер объясняет это их разной каузальной историей: *H1* совершает преступления против человечности в момент времени *t1*, когда *H2* еще не существует, а переходит дорогу в неполюженном месте в момент времени *t5*, когда *H2* уже существует. Если *H2* никак каузально не связан с правонарушением, совершенным *H1* в момент времени *t5* (не создавал причин для того, чтобы оно произошло), значит, он и не должен нести за него ответственность позднее, в момент времени *t6*, когда *H1* прекратит свое существование в результате самоубийства. Такое объяснение, однако, не может нас удовлетворить. Каузальная история разворачивается в плоскости отношений *токен—токен*, а не *тип—токен*. И это создает дополнительные трудности. В качестве иллюстрации представим ряд модифицированных сценариев мысленного эксперимента Уокера. В первом сценарии токен *H2* неожиданно умирает вскоре после того, как *H1* переходит дорогу в неполюженном месте, в результате *H1* приходится вновь воспользоваться услугами инопланетной машины, чтобы создать себе новый дубликат — *H3*. Во втором сценарии *H1* во время перехода дороги в неполюженном месте едва не попадает под колесо военного грузовика. Этот инцидент оказывает на мнительного *H1* такое сильное впечатление, что в интересах будущего выживания он решает подстраховаться и приказывает немедленно создать себе еще один резервный дубликат, для которого нацистским ученым в качестве донорского образца приходится использовать уже существующий в тот момент времени дубликат *H2* (по причине недоступности самого *H1*). Созданный ими дубликат *H2** является точной и полной копией своего оригинала *H1*, просто произведенный не на его основе. В третьем сценарии буквально через пару секунд после того, как *H1* переходит дорогу в неполюженном месте, молния ударяет в дерево, расположенное рядом с его бункером, в результате оно мгновенно распадается на множество ионизированных органических молекул, из которых тут же образуется новая точная и полная копия Гитлера — *H**. Надо полагать, что в представленных трех сценариях, оценивая каузальную историю отдельных токенов, Уокер и сторонники ТТТ дали бы следующие ответы о распределении ответственности: *новый токен H3* ответственен за преступления против человечности и за переход дороги в неполюженном месте; *резервный токен H2** ответственен только за преступления против человечности, но, как и его донорский образец *H2*, не несет ответственности за переход дороги в неполюженном месте; *случайный токен H** в принципе не несет никакой ответственности ни за преступления против человечности, ни за переход дороги в неполюженном месте. Каждый из ответов вызывает вопросы. Почему во втором сценарии абстрактная личность-тип *H* не спускает на недавно созданный токен *H2** (резервный дубликат Гитлера) свойство 'быть ответственным за переход дороги в неполюженном месте', тогда как в первом сценарии с точно таким же недавно созданным токеном *H3* (дополнительным дубликатом Гитлера) она успешно это делает? Является ли возникший в результате удара молнии токен *H** (случайный дубликат Гитлера) токеном того же самого типа *H*, что и токены *H1*, *H2*, *H2** и *H3*¹²? И если является, почему абстрактная личность-тип *H* не спускает на *H** свойство 'быть ответственным за преступления против человечности', которым

на момент его возникновения уже обладают другие токены $H1$ и $H2$?

Подобная избирательность в отношениях между типом и отдельными токенами кажется чем-то странным. Представим, что Фрэнсис Скотт Фицджеральд владеет единственным токеном *Великого Гэтсби* — $G1$. В момент времени $t1$ я снимаю с него точную копию — $G2$. После появления копии в мире существует уже два токена *Великого Гэтсби*. В момент времени $t3$ вы просите меня о той же услуге и снимаете с моего токена собственную копию — $G3$. Теперь в мире есть три токена *Великого Гэтсби*. Очевидно, что в этом случае не имеет значения тот факт, с какого именно токена вы делали свою копию — $G1$ или $G2$. Но допустим, что в момент времени $t2$ Фицджеральд (на правах автора *Великого Гэтсби*) вносит в свой токен $G1$ изменения, которые в момент времени $t3$ отсутствуют в моем токене $G2$, а значит, будут отсутствовать и в снятой вами с него копии $G3$. Тогда получается, что тот факт, с какого именно токена вы делали свою копию — $G1$ или $G2$, — будет иметь значение. Приведенный пример, вроде бы, призван показать вероятные причины избирательности в отношениях между типом и отдельными токенами, однако на деле дает нам лишь иллюзию объяснения. В этом легко убедиться, если задать простым вопросом: все ли токены — $G1$, $G2$ и $G3$ — являются в момент времени $t3$ экземплярами *Великого Гэтсби*? Вариантов ответа только два. Во-первых, можно заявить, что токен $G1$ был и остается (после внесенных изменений) экземпляром *Великого Гэтсби*, а вот токены $G2$ и $G3$ в момент времени $t3$ ими перестали быть (из-за внесенных в токен $G1$ изменений). Добавив при этом, что они оставались бы экземплярами *Великого Гэтсби*, если бы токен $G1$ продолжил свое существование без каких-либо изменений. Данный вариант ответа не может устраивать Уокера и сторонников ТТТ, поскольку требует полной синхронизации каузальной истории отдельных токенов, чтобы они могли считаться токенами определенного типа. Это означало бы, что в тот момент, когда $H1$ переходит дорогу в неполюженном месте, $H2$ (внезапно) перестает быть токеном абстрактной личности-типа H . Во-вторых, можно настаивать на том, что токены $G1$, $G2$ и $G3$ продолжают быть экземплярами *Великого Гэтсби*, даже несмотря на внесенные в $G1$ изменения. Это позволяло бы каждому токеному иметь собственную независимую от других токенов каузальную историю, особенно той которой никак не влияли бы на их принадлежность к определенному типу, но полностью обесценивало бы трансмиссионный сценарий, вынуждая Уокера и сторонников ТТТ признать, что абстрактная личность-тип H не способна спускаться на отдельные токены ничего, кроме тривиального свойства «быть токеном H ». Тогда непонятно, зачем нам нужна абстрактная личность-тип H , если для определения траекторий распределения ответственности намного полезнее и информативнее оставаться в плоскости отношений *токен–токен*, отслеживая каузальную историю конкретных объектов — $H1$, $H2$, $H3$, ..., Hn , ..., H^* ?

Итак, поскольку модальный и трансмиссионный сценарии ТТТ сталкиваются с серьезными возражениями, видится весьма разумным *entia non sunt multiplicanda praeter necessitatem* («не умножать сущности сверх необходимости»). Тезис о существовании (или несуществовании) абстрактной личности-типа H никак не помогает решить вопрос

о виновности и наказании $H2$. Однако это не значит, что ресурсы метафизики морали нами полностью исчерпаны и на Нюрнбергском процессе мы обязаны вынести $H2$ оправдательный приговор (пусть и сохранив определенную возможность для порицания $H2$ за доставшиеся ему в наследство от $H1$ качества характера). Общая мотивация ТТТ в виде идеи, что полные и точные дубликаты личностей *каким-то* образом связаны с событиями, ответственность за причины которых возлагается на их оригиналы, и поэтому при определенных условиях подобные дубликаты должны рассматриваться в качестве надлежащих объектов для наказания, многими оценивается как интуитивно правильная¹³.

Наиболее простой способ метафизического обоснования подобной моральной мотивации содержат теории психологического секвенциализма ТПС. Сторонники ТПС предпочитают оставаться в плоскости отношений *токен–токен*, но считают, что для сохранения того, что имеет значение для выживания личности во времени, не нужны никакие каузальные ограничения; достаточно того, чтобы совокупности психологических состояний и характеристик рассматриваемых нами токенов были качественно неразличимы и близки во времени¹⁴ [45; 47–50]. Согласно принципам ТПС, если в момент времени $t1$ определенный токен личности $H1$ внезапно прекратит существование (скажем, аннигилируется из-за удара молнии), после чего в момент времени $t2$ из-за невероятного стечения обстоятельств на том же самом месте возникнет другой качественно неразличимый с ним токен $H1^*$ (допустим, вследствие удара новой молнии), они должны считаться нами *агентно-эквивалентными токенами одной личности*. Предполагается, что $H1^*$ будет иметь точно такие же психологические состояния и характеристики, какие имел бы $H1$ в момент времени $t2$ (если бы продолжил существование). Если $H1$ был лжецом, насильником и убийцей, такими же психологическими чертами и наклонностями будет обладать его случайный дубликат $H1^*$, более того, он будет иметь ровно те же самые реактивные установки в отношении действий ϕ , совершаемых под влиянием подобных порочных психологических черт и наклонностей. В этом смысле у нас нет оснований не признавать, что сценарий возникновения случайного дубликата $H1^*$ для выживания $H1$ был бы столь же хорош, как и обычный сценарий выживания, даже несмотря на тот факт, что совокупности их психологических состояний и характеристик каузально между собой никак не связаны. Для сторонников ТПС этого вполне достаточно, чтобы мы продлили во времени траекторию моральной ответственности от уже прекратившего существование токена $H1$ к существующему токеному $H1^*$ (рис. 3).

Мы видим, что позиция сторонников ТПС имеет определенное преимущество над взглядами ТТТ, которое можно было бы использовать в интересах укрепления аргумента $P1–P3$, представленного стороной обвинения $H2$ на Нюрнбергском процессе, если бы не один серьезный недостаток. Проблема в том, что ТПС плохо справляется со случаями ветвления личности в ситуациях, когда нас интересует не метафизический вопрос психологической преемственности личности во времени, а морально-правовой вопрос виновности и наказания сосуществующих во времени полных и точных дубликатов личностей. Так же как и взгляды сторонников ТТТ, позиция ТПС недвусмысленно склоняет нас в пользу обвинительного приговора для $H2$.

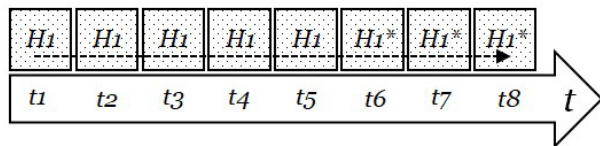

Рис. 3. Психологический секвенциализм.
Распределение ответственности $H1$ и $H1^*$
(пунктирная линия обозначает траекторию вменяемости
ответственности; квадраты с точечной заливкой
обозначают надлежащие объекты для наказания)

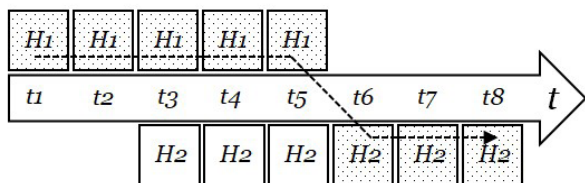

Рис. 4. Психологический секвенциализм.
Распределение ответственности $H1$ и $H2$
(пунктирная линия обозначает траекторию вменяемости
ответственности; квадраты с точечной заливкой
обозначают надлежащие объекты для наказания)

Но между ними есть одно важное различие. Сторонники ТПС признают, что в моменты времени после самоубийства $H1$ ответственность за совершенные им преступления против человечности принимает на себя агентно-эквивалентный дубликат $H2^{15}$, но в моменты времени до того, как $H1$ прекратил свое существование, $H2$ не рассматривается в качестве надлежащего объекта для наказания¹⁶, поскольку в такие моменты времени $H1$ является лучшим кандидатом для наказания, чем его полный и точный психологический дубликат (рис. 4).

Данная деталь не может нас не озадачивать. Кажется, что в наступивший после самоубийства $H1$ момент времени агентно-эквивалентный дубликат $H2$ не претерпевает в своем существовании никаких значимых изменений. Смерть $H1$ не создает никаких внутренних разрывов психологической связанности $H2$, но ответственность за преступления против человечности, прежде возлагаемая на $H1$, теперь каким-то загадочным образом возлагается на $H2$ [35, р. 129]. Я думаю, было бы весьма странным, если бы решение такого важного вопроса, как наказание $H2$ за преступления против человечности, зависело от существования либо несуществования $H1$ ¹⁷. Тем не менее я считаю, что позиция сторонников ТПС может получить свое дальнейшее развитие в интересах стороны обвинения $H2$.

Для правильного понимания идеи агентной эквивалентности токенов личности удобно воспользоваться примером Дугласа Эринга, в котором он рассматривает процесс слияния двух близнецов, являющихся полными и точными копиями друг друга [47, р. 159]. Сначала представим себе процесс слияния двух разных личностей X и Y . Весьма правдоподобно предположить, что результаты процесса слияния будут образовывать спектр, крайними значениями которого стали бы два состояния: (f1) возникает личность X^* , которая почти полностью унаследовала все психологические характеристики от X (т.е. почти все характеристики X^* каузально связаны с X); (f2) возникает личность Y^* , которая почти полностью унаследовала все психологические характеристики от Y (т.е. почти все характеристики Y^* каузально связаны с Y). Между этими крайними

состояниями спектра есть множество состояний, когда в результате слияния (f3) возникает личность Z , унаследовавшая одну часть психологических характеристик от X , а другую — от Y (т.е. характеристики Z частично каузально связаны как с X , так и с Y). Не трудно догадаться, что состояния спектра слияния (f1), (f2) и (f3) слишком разные, чтобы личности X^* , Y^* и Z можно было считать агентно-эквивалентными, ведь в *одних и тех же ситуациях они (вероятно) поступали бы по-разному*. Но представим теперь процесс слияния двух токенов Гитлера $H1$ и $H2$, являющихся полными и точными копиями друг друга (по крайней мере, в момент времени t3). Результаты процесса слияния также образовали бы спектр, значениями которого стали бы следующие состояния: (h1) возникает токен $H1^*$, почти полностью унаследовавший все психологические характеристики от $H1$ (т.е. почти все характеристики $H1^*$ каузально связаны с $H1$); (h2) возникает токен $H2^*$, почти полностью унаследовавший все психологические характеристики от $H2$ (т.е. почти все характеристики $H2^*$ каузально связаны с $H2$); (h3) возникает токен H^* , одна часть психологических характеристик которого унаследована от $H1$, а другая — от $H2$ (т.е. характеристики H^* частично каузально связаны с $H1$ и частично с $H2$). Очевидно, что при подобном слиянии любые возможные состояния спектра — (h1), (h2) и (h3) — были бы в принципе качественно неразличимы (хотя и имели бы разные каузальные истории), и именно по этой причине мы рассматриваем токены $H1^*$, $H2^*$, H^* как агентно-эквивалентные, полагая вне всяких разумных сомнений, что *все они в одних и тех же ситуациях всегда поступали бы одинаково*.

Это позволяет сформулировать контрфактическое условие, определяющее круг лиц, рассматриваемых нами в качестве надлежащих объектов для наказания:

(CFC) Y должен быть наказан в момент времени t^* за действие ϕ , совершенное X в момент времени t , когда нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что, если бы Y был в момент времени t на месте X , он также совершил бы действие ϕ (где $t^* > t$)¹⁸.

Таким образом, правильная оценка мысленного эксперимента с двумя токенами Гитлера $H1$ и $H2$ должна даваться в свете контрфактических связей, которые дубликат $H2$ имеет с преступными действиями, совершенными $H1$ ¹⁹. И этого вполне достаточно. Так как подставив в посылку N1 контрфактическое условие CFC, мы получаем полноценный аргумент, который укрепляет позиции стороны обвинения $H2$ на Нюрнбергском процессе:

(N1) $H2$ не виновен (в привычном нам смысле совершения виновных действий), однако нет никаких разумных оснований сомневаться в том, что, если бы $H2$ был на месте $H1$, он совершил бы преступления (против человечности).

(N2) Следовательно, $H2$ должен быть наказан²⁰.

3. Что значит быть виновным в том, чего не совершал? Главное препятствие для обвинительного приговора $H2$ на Нюрнбергском процессе — это то, что Дэвид Шумейкер называет *банальным принципом* [35, р. 109]:

(PP) X может нести ответственность *только* за свои собственные действия²¹.

Если принять его за надежное руководство для наших моральных рассуждений, тогда возложение вины на $H2$ за совершенные $H1$ преступления против человечности действительно кажется не-

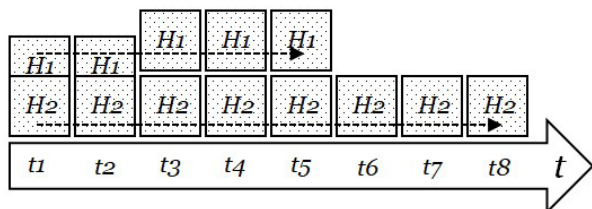

Рис. 5. 4D теория (пердурантизм).
Распределение видов ответственности $H1$ и $H2$
(для примеров деления)
(пунктирная линия обозначает траекторию вменяемости
ответственности; квадраты с точечной заливкой обозначают
надлежащие объекты для наказания)

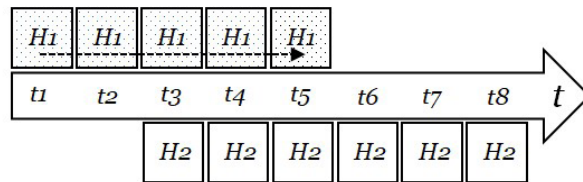

Рис. 6. 4D теория (пердурантизм).
Распределение видов ответственности $H1$ и $H2$
(для примеров дубликации)
(пунктирная линия обозначает траекторию вменяемости
ответственности; квадраты с точечной заливкой обозначают
надлежащие объекты для наказания)

возможным; ведь в момент времени $t1$, когда они совершались, $H2$ еще не существовал. Есть две стратегии как сторона обвинения, настаивающая на виновности $H2$, могла бы реагировать на выраженное РР требование.

Первая — показать, что $H2$ был точно таким же участником преступлений, как и $H1$. Такая возможность предоставляется пердурантистскими 4D онтологиями, где любые сущности (люди, кошки, пончики, автомобили и т.д.) рассматриваются как четырехмерные объекты, которые не присутствуют в каждый момент времени целиком, а скорее растягиваются в нем, подобно событиям [подробнее см.: 67–70]. Поскольку разным четырехмерным объектам не запрещено иметь общие временные части и одновременно находиться в одном и том же месте, сторона обвинения может использовать на Нюрнбергском процессе так называемый тезис множественного занятия:

(МОТ) если в момент времени t' личность-предшественник разделяется на n личностей-преемников, значит, в момент времени t было n личностей-предшественников, одновременно сосуществующих друг с другом в одном теле (где $t' > t$).

Было бы ошибкой считать, что только какая-то одна конкретная личность-предшественник совершила в момент времени t виновное действие ϕ , — и следовательно, каждая личность-последователь из числа n в нем виновна²². С этой точки зрения $H1$ и $H2$ являются разными мереологическими суммами временных частей — $H1_{\{t1\}} \oplus H1_{\{t2\}} \oplus H1_{\{t3\}} \dots \oplus H1_{\{t5\}}$ и $H1_{\{t1\}} \oplus H1_{\{t2\}} \oplus H2_{\{t3\}} \dots \oplus H2_{\{t8\}}$, которые в моменты времени $t1$ и $t2$ находятся в одном и том же месте, совершая одни и те же действия. Правильное описание примера Уокера должно включать в себя тот факт, что на самом деле во время совершения преступлений против человечности существовала и действовала не одна только личность $H1$, а обе сразу — и $H1$, и $H2$. И обе они виновны в преступлениях против человечности²³ (рис. 5).

Уокер детально разбирает предлагаемое 4D онтологиями решение вопроса о виновности $H2$. В целом он оценивает его как вполне реальную альтернативу ТТТ, но указывает на серьезные практические недостатки, возникающие из-за проблем с подсчетом точного числа присутствующих в одном и том же месте сущностей. Однако я не думаю, что именно это является основным недостатком предлагаемого 4D онтологиями решения вопроса о виновности $H2$. Более существенная проблема заключается в том, что они не проявляют должной чувствительности к различию, которое есть в примерах деления и дубликации. Сторонники 4D онтологий оправдывают свое решение вопроса о виновности $H2$ принципом 'одно действие ϕ — n

число агентов', апеллируя к факту существования конкретной временной части $H1_{\{t1\}}$ как общей для обеих личностей $H1$ и $H2$. Но метафизическая структура примеров, вроде предложенного Уокером мысленного эксперимента, в котором нацистские ученые создают полный и точный дубликат Гитлера $H2$, скорее подобна примерам возникновения случайных дубликатов Гитлера H' в результате удара молнии в дерево, нежели классическим примерам амёбного деления [73], монозиготного двойничества [74] или трансплантации полушарий одного мозга в разные тела [75–78]. Поэтому в мысленном эксперименте Уокера речь идет о таких мереологических суммах — $H1_{\{t1\}} \oplus H1_{\{t2\}} \oplus H1_{\{t3\}} \dots \oplus H1_{\{t5\}}$ и $H2_{\{t3\}} \oplus H2_{\{t4\}} \oplus \dots \oplus H2_{\{t8\}}$, у которых нет никаких общих временных частей (рис. 6). Так что, если структурное различие между процедурами деления и дубликации действительно имеет какое-то значение для выживания, простая апелляция сторонников 4D онтологий к факту существования конкретной временной части $H1_{\{t1\}}$ тогда теряет всякий смысл, а сторона обвинения лишается возможности использовать МОТ в качестве решающего довода на Нюрнбергском процессе²⁴.

Вторая стратегия как сторона обвинения, настаивающая на виновности $H2$, могла бы реагировать на выраженное РР требование, — просто отвергнуть его как несостоятельное и откровенно ложное. Такая стратегия предполагала бы, что для ответа на вопрос о наказании $H2$ нам не нужны никакие факты, свидетельствующие о тождестве $H2$ и $H1$ ($H2=H1$ или, наоборот, $H2 \neq H1$). Теоретическим основанием для нее может служить предложенная Томасом Гоббсом оригинальная концепция личности: «Личностью является тот, чьи слова или действия рассматриваются или как его собственные, или как представляющие слова или действия другого человека... которому эти слова или действия приписываются поистине или посредством фикции» [79, с. 124]. Концепция гоббсеанской личности строится на примате идеи представительства над ответственностью [80, р. 52, 55–56; 81, р. 6–7]. Совершая действия, личность всегда действует либо от своего, либо от чужого лица. Если от своего, она является собственным представителем (личностью в привычном нам смысле этого слова); если от чужого — представителем другой личности, от лица которой она действует. Ответ на вопрос о морально-правовой ответственности личности в случаях, когда ее действия были проступками или преступлениями, прежде всего определяется тем, какое именно лицо — свое или чужое — в тот момент она представляла. Если личность, совершая проступки или преступления, действовала от своего лица, очевидно, что она сама должна нести за них

ответственность; если от чужого, тогда мы имеем дело с примером того, как *одна* личность приобретает ответственность за действия *группой*. Для описания подобных примеров удобно использовать понятие *квази-ответственности* [82, р. 83]. С точки зрения Гоббса, благодаря идее представительства *любые* личности могут состоять друг с другом в отношениях квази-ответственности. Однако это не значит, что вопрос о квази-ответственности имеет произвольные решения. Одна личность *X* представляет другую личность *Y* тогда и только тогда, когда определенные действия ϕ , совершаемые *X*, являются *обязывающими к соответствующим для Y нормативным последствиям* (в виде порицания, наказания и др.). Если я убью своего соседа, который мешает мне спать, вы не будете нести квази-ответственность за совершенное мной преступление, поскольку я действовал от своего лица. Другое дело, если вы наймете кого-то убить вашего соседа, который мешает вам спать. Нет сомнений, действуя посредством другого лица, вы несете квази-ответственность за создание угрозы несправедливого вреда вашему соседу и за ее фактическую реализацию, если совершенные наемным убийцей действия приведут к желаемому для вас результату в виде смерти вашего соседа. Очевидно, что нет никакой моральной разницы между наймом кого-то для убийства вашего соседа и попыткой убить его своими руками. В обоих случаях вы должны будете что-то использовать, чтобы добиться смерти вашего соседа, — например, пистолет, нож, яд, подушку либо другого человека. Если вы решите использовать для этой цели наемного убийцу и совершенные им действия окажутся успешными, вы будете виновны в убийстве вашего соседа, даже несмотря на то, что не будете принимать участия в каком-то конкретном каузальном процессе, который станет непосредственной причиной его смерти (не будете в него стрелять, наносить ножевые ранения, подсыпать в кофе яд или душить подушкой).

Итак, в соответствии с концепцией гоббсеанской личности, понятие *виновного лица не обязательно предполагает тождество с лицом, совершившим виновное действие*²⁵. Взгляды Гоббса допускают два способа, которыми личности могут приобретать ответственность: чтобы быть виновной за совершенное личностью *X* действие ϕ , личность *Y* должна либо быть тождественной *X*, либо находиться с *X* в отношениях квази-ответственности²⁶. Но одной только этой концепции нам явно недостаточно, чтобы создать полноценную теорию моральной ответственности. Для этого нам понадобятся дополнительные теоретические ресурсы.

Базовой моделью для описания и понимания отношений квази-ответственности в ситуациях, когда мы имеем дело с разными (не тождественными) личностями, нам послужат принципы агентского права, основанные на понятиях субсидиарной ответственности и фидуциарного обязательства²⁷. Ядром любого агентского права является правовой принцип (*J6*) *qui facit per alium facit per se* («кто действует через посредство другого лица, действует сам»). Агентство представляет собой особый вид фидуциарного отношения между двумя лицами — агентом и принципалом²⁸ [86, р. 5; 87, р. 4; 88, р. 211–212]. Основная функция агента как лица, представляющего принципала, состоит в том, чтобы расширить свободу действий принципала, позволить ему совершить действия, которые он по каким-то причинам не может выполнить самостоятельно (не имеет для этого

достаточно времени, считает слишком трудоемким и т.п.).

Принципал — это лицо, на которое возлагаются соответствующие нормативные последствия за определенные действия агента (в виде порицания, наказания и др.), и по этой причине они становятся его действиями [ср. с этим: 82, р. 84]. В этом смысле всякий принципал несет за действия своего агента квази-ответственность, и тут нет ничего загадочного, ведь мы часто возлагаем на людей ответственность за то, что агенты делают от их имени [88, р. 211]. Для моего аргумента $N1^* - N2$, устанавливающего виновность *H2* в преступлениях против человечности, достаточно принять следующие семь принципов, регулирующих вопросы квази-ответственности принципала за действия, совершаемые его агентом:

(AP1) Все действия совершаются конкретными агентами (отдельными лицами), но ответственность за некоторые их действия возлагается на принципалов (другие отдельные лица) по причине того, что возникающие вследствие таких действий положения дел служат (либо могут служить) интересам принципалов.

(AP2) Морально-правовая ответственность за определенное действие ϕ , совершенное агентом *X*, возлагается на принципала *Y* не потому, что он является лицом его совершившим, а потому, что он действует опосредованно через своего представителя — агента X^{29} .

(AP3) Контроль со стороны принципала *Y* над действием ϕ , совершаемым агентом *X*, не является необходимым условием для возложения на *Y* морально-правовой ответственности за данное действие³⁰.

(AP4) Санкционирование со стороны принципала *Y* действия ϕ , совершаемого агентом *X*, не является необходимым условием для возложения на *Y* морально-правовой ответственности за данное действие³¹.

(AP5) Для возложения на принципала *Y* морально-правовой ответственности за действие ϕ , совершенное агентом *X*, имеет значение только сам характер данного действия, а не факты существования между агентом *X* и принципалом *Y* какой-либо метафизической связи (в виде фактов тождества или психологической преемственности)³².

(AP6) Если морально-правовая ответственность за действия агента возлагается на принципала, это не означает, что лицо их совершившее не несет за них никакой морально-правовой ответственности; некоторые виды ответственности могут возлагаться дважды — и на принципала, и на агента³³.

(AP7) Принципал существует, пока есть непрерывный ряд его представителей.

(AP7.1) Приобретение и потеря агентов, действующих от лица принципала, сами по себе не влияют на непрерывность его существования. Принципал не может существовать без агентов, они ему необходимы, чтобы функционировать в качестве принципала, но для этого ему не нужны *никакие конкретные агенты*.

(AP7.2) Изменение численности агентов, действующих от лица принципала, не влияет на непрерывность его существования. Принципал продолжает непрерывное существование, несмотря на появление новых агентов. Принципалу необходимы агенты, чтобы функционировать в качестве принципала, но для этого ему не нужно *какое-то конкретное число агентов*.

Виды ответственности

Виды моральной ответственности	Формы возложения ³⁴		Темпоральность ³⁵	
	тот самый – тот же самый	один – другой	синхроническая	диахроническая
(Att) Attributability Приписываемость	+	–	+	–
(Acc) Accoutability Вменимость	+	+	+	+
(Cul) Culpability Виновность	+	+	+	–
(Lia) Liability Обременимость	+	+	+	+

(AP7.3) Психологические изменения, претерпеваемые агентами, сами по себе не влияют на непрерывность его существования. Принципалу необходимы агенты, чтобы функционировать в качестве принципала, но для этого ему не нужны *какие-то конкретные по своим психологическим состояниям агенты*.

Для дополнительных теоретических ресурса, которые нам также понадобятся для аргумента N1*–N2: тезис о существовании разных видов ответственности и идея темпоральных характеристик ответственности.

Обычно за совершенное кем-то действие кто-то несет ответственность. Однако на самом деле она имеет множество лиц: (Att) *приписываемость* (номинальная ответственность за совершенное действие); (Acc) *вменимость* (открытость кого-либо для порицания за совершенное действие); (Cul) *винность* (открытость кого-либо для наказания за совершенное действие); (Lia) *обременимость* (обязательство компенсировать последствия совершенного действия). Эти четыре вида ответственности редко различают, потому что в стандартных случаях индивидуальной ответственности личностей, действующих от собственного лица, траектории их возложения чаще всего совпадают.

Например, возложение на X индивидуальной морально-правовой ответственности за воровство, одновременно включает в себя все четыре вида ответственности: (1) мы приписываем (Att), называя X вором; (2) мы вменяем (Acc), испытывая к X негативные реактивные установки, вроде гнева и/или презрения; (3) мы обвиняем (Cul) в совершении преступного действия, налагая на X наказание; (4) мы возлагаем бремя (Lia), вынуждая X вернуть украденное либо возместить ущерб потерпевшему. В случаях же принципалов и агентов, траектории возложения этих видов ответственности как правило расходятся. Если нанятый мною садовник с моего молчаливого согласия отравит соседского козла, который выщипывал и вытапывал в моем саду азалии, мы оба будем нести за это ответственность, но по-разному: на моего садовника, как на лицо, непосредственно совершившее данное отравление, будет возложена (Att), а также возложена (Acc), как на лицо достойное порицания за содеянное; лично на меня будут возлагаться (Acc), как на лицо, заслуживающее не меньшего порицания, чем мой садовник, а также возлагаться (Cul), как на лицо виновное в случившемся преступлении, и наконец, возлагаться (Lia), как на лицо, обязан-

ное возместить соседу понесенную вследствие действий моего садовника утрату.

Иногда наши суждения относительно возложения некоторых из представленных видов ответственности могут меняться в зависимости от момента времени, когда мы их выносим. Существует интуитивное различие между примерами возложения ответственности за действие непосредственно в момент его совершения и в какой-то более поздний момент времени [41, р. 736–738; 42, р. 3; 64, р. 206–208]. Для правильного решения вопросов ответственности данное различие имеет значение. В примерах синхронической ответственности (SR) в момент времени t на X возлагается ответственность за действие ϕ , которое происходит в момент времени t ; тогда как в примерах *диахронической* ответственности (DR) в момент времени t^* на X возлагается ответственность за действие ϕ , которое произошло в момент времени t (где $t^* > t$). Я считаю, что (по крайней мере) два вида ответственности — (Acc) и (Lia) — демонстрируют зависимость от темпоральных характеристик (табл. 1).

Очевидно, что наши морально-правовые суждения об *actus reus*, в которых мы приписываем кому-либо (Att) в виде номинальной ответственности за совершенное действие, не должны меняться в зависимости от момента времени, когда мы их выносим. Если X в момент времени t несет ответственность в виде (Att) за действие ϕ , то *всегда* будет истинным, что X в момент времени t несет ответственность в виде (Att) за действие ϕ [ср. с этим: 64, р. 207; 91, р. 40]. Другими словами, если агент в определенный момент времени совершил некоторое действие, то во все последующие моменты времени будет истинным суждение о том, что *данное* действие было совершено *этим* агентом в *тот самый* более ранний момент времени. Это тривиальным образом следует из факта неизменности прошлого. Прошлое фиксировано, и поэтому все, что верно для прошлого сегодня, будет верно для него и завтра, и послезавтра, и всегда.

Не менее очевидно и то, что наши морально-правовые суждения, в которых мы вменяем кому-либо ответственность (Acc) в виде порицания за совершенное действие, существенным образом будут зависеть от момента времени, когда мы их выносим. Порицаемость за совершенные в прошлом действия обычно предполагает наличие у лица определенных психологических характеристик (вроде злой воли, желания незаконной личной выгоды, неуважения к законным интересам других людей, неприятия чу-

жих прав и ценностей), которые делают его достойным объектом для порицания. Поэтому *уместность* вменения (Acc) находится в прямой корреляции с возможными психологическими изменениями, которые с течением времени может претерпеть объект нашего порицания, и регулируется следующим интуитивно правдоподобным принципом³⁶:

(PH) в момент времени t^* степень ответственности (Acc) лица Y в виде порицаемости за совершенное лицом X в момент времени t действие ϕ , зависит от степени психологической связанности Y и X (количества идентичных воспоминаний, убеждений, желаний и намерений); по мере увеличения временной дистанции между моментами времени t^* и t такая психологическая связанность уменьшается (где $t^* > t$) [44, р. 305–306].

Есть две вероятные причины для таких психологических изменений: либо в какой-то момент времени порицаемое лицо испытывает разочарование в совершенных в прошлом действиях и встает на путь *покаяния* (ярким примером подобного радикального и сознательного отказа от своей прежней мотивационной структуры служит Родион Раскольников), либо оно теряет психологическую связь с совершенными в прошлом действиями в результате *длительных естественных психологических изменений*³⁷ (типичным примером может стать вымышленный молодой русский социалист XIX века, в старости изменивший своим политическим идеалам) [44, р. 327–328; 77, с. 101–103; также см.: 94].

Иная ситуация с возложением вины (Cul), когда мы выносим суждения о том, что *кто-то* заслуживает наказания за совершенное кем-то действие. Данный вид ответственности демонстрирует нам крайне специфическую форму зависимости от темпоральных характеристик, а именно:

(CIF) возложение в момент времени t^* на лицо Y *диахронической* ответственности в виде (Cul) за совершенное лицом X в момент времени t виновное действие ϕ , *будет оправданным и уместным*, если и только если в определенный момент времени t^* лицо Y не подвергалось наказанию за совершенное лицом X в момент времени t виновное действие ϕ (где $t^* > t > t$) [ср. с этим: 91, р. 40; 93, р. 107–110; 95, р. 346–348].

Простое течение времени способно освободить виновное лицо от ответственности в виде (Acc), делая его в какой-то момент времени неуместным объектом для порицания за совершенные в прошлом действия, но оно никак не способно изменить степень его вины (Cul) за данные действия. Время не делает виновного невиновным. Единственная возможность избавиться от вины — принять заслуженное наказание³⁸.

Последний из оставшихся видов ответственности связан с различными видами обременений, которые мы должны возлагать на определенных лиц за совершенные кем-то в прошлом действия. Он также демонстрирует свою зависимость от момента времени, в который мы выносим суждение относительно обременяемого лица. Характерная особенность ответственности вида (Lia) заключается в том, что всякий факт ее *уместного* наложения *создает обязательство* со стороны обременяемого лица *совершить в будущем действия*, направленные на *исправление последствий* чьих-либо прошлых проступков и преступлений. Такие действия, имеющие своей целью устранение последствий причиненного кому-либо несправедливого вреда, обычно принимают форму компенсации лицам, постра-

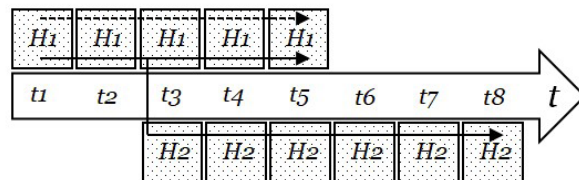

Рис. 7. Теория агент-принципал.
Распределение видов ответственности $H1$ и $H2$ (пунктирная линия обозначает траекторию ответственности как приписываемости (Att); сплошная линия обозначает траекторию ответственности как вменности (Acc) и ответственности как виновности (Cul); квадраты с точечной заливкой обозначают надлежащие объекты для наказания)

давшим от совершенных кем-то в прошлом действий, и регулируется своеобразным *штрафным* принципом:

(RP) в момент времени t^* объем ответственности (Lia) лица Y в виде бремени за совершенное лицом X в момент времени t действие ϕ *прямо пропорционален* объему нанесенного на момент времени t^* действием ϕ несправедливого вреда; по мере увеличения временной дистанции между моментами времени t^* и t объем такой ответственности *всегда только растет*, если в определенный момент времени t^* лицо Y не исправило соответствующий объем нанесенного на момент времени t действием ϕ несправедливого вреда (где $t^* > t > t$) [95, р. 346–349].

Теперь у нас есть все необходимое, чтобы дать решение вопроса о наказании $H2$ на Нюрнбергском процессе. Ответ на такой, казалось бы, простой вопрос 'Кто несет ответственность за преступления против человечности?' при более внимательном анализе распадается на четыре *независимых* вопроса: (R1) 'Кто это сделал?', (R2) 'Кого следует за это порицать?', (R3) 'Кто должен за это понести наказание?' и (R4) 'Кто обязан это исправить?'. Принципы агентского права $A1–A7$ не требуют от нас того, чтобы лицо, на которое мы будем указывать в своих ответах на вопросы $R1–R4$, обязательно было *одним и тем же* лицом.

В предложенном Уокером примере мы видим, что $H1$ и $H2$ являются двумя разными (нетождественными) личностями, которые связаны друг с другом отношением агент-принципал, где $H1$ выполняет роль агента, *представляющего* интересы своего принципала $H2$. Действия, совершаемые $H1$ в моменты времени $t1–t3$ (от преступлений против человечности до акта самоубийства), служат интересам $H2$, которые в самом общем виде можно выразить как желание того, чтобы в момент времени $t4$ сложилось вполне определенное положение дел, когда все связанные с преступлениями против человечности *события произошли* (вроде Холокоста, подготовки и ведения агрессивной войны на большей части территории Европы, террора против мирного населения на оккупированных территориях, использования рабского труда и т.д.), но сам $H2$ при этом сохранил свою свободу и *остался безнаказанным*³⁹.

Согласно требованиям принципов $AP3–AP4$, $H2$ не нужно контролировать или санкционировать совершаемые $H1$ действия, чтобы нести за них морально-правовую ответственность. Поэтому последнее, что остается сделать, это распределить разные виды ответственности между агентом $H1$ и принципалом $H2$, отвечая на четыре вопроса $R1–R4$ (рис. 7):

(Att) ответственность должна приписываться *H1*; именно он был тем самым лицом, которое совершало соответствующие *actus reus* (подписывало приказы об окончательном решении еврейского вопроса, геноциде мирного населения на оккупированных территориях СССР и т.д.);

(Ass) ответственность должна вменяться *H1* и *H2*; они оба в одинаковой степени разделяют определенные психологические характеристики (ненависть к людям других рас и национальностей, желание господства над миром, бесчеловечную жестокость и т.д.), которые делают их достойными объектами для порицания;

(Cul) ответственность должна возлагаться и на *H1*, и на *H2*; они оба в одинаковой степени разделяют вину за совершенные преступления против человечности⁴⁰;

(Lia) ответственность должна лечь справедливым бременем на плечи Немецкого народа; колоссальный масштаб совершенных против человечности преступлений, в которых признаются виновными *H1* и *H2*, делает Немецкий народ единственным лицом, способным взять обязательство компенсировать объем зла, причиненного миллионам людей в результате данных преступлений.

Таким образом, подставив в посылку *N1** на место условия *Z* указание на факт существования между *H1* и *H2* отношения агент-принципал, мы получаем, на мой взгляд, неопровержимый аргумент, позволяющий нам добиться на Нюрнбергском процессе вынесения обвинительного приговора *H2*, соответствующего степени его вины и масштабам совершенных *H1* преступлений:

(*N1**) *H2* виновен, так как является принципалом в отношении своего агента *H1*, совершившего преступления (против человечности).

(*N2*) *H2* должен быть наказан.

4. In dubio pro duriore и потенциальные возражения. Несмотря на футуристический дизайн, воображаемый пример Уокера явно не тот случай, когда кто-то из судей Нюрнбергского трибунала должен в интересах справедливости выкрикнуть *Non liquet* («Не доказано!»). Оба аргумента стороны обвинения как *N1–N2*, так и *N1*–N2* показывают, что, независимо от фактов виновности либо невиновности *H2*, судебная коллегия Нюрнбергского трибунала обязана выкрикнуть единогласное *Condemno* («Осуждаю!»).

Чтобы рассеять последние сомнения в оправданности и обоснованности обвинительного приговора для *H2*, рассмотрим два потенциальных возражения, которыми могли бы воспользоваться скептики.

Первое возражение основано на идее о том, что уместное возложение вины на конкретное лицо за совершенные преступления (пусть даже не им самим) предполагает обязательное выполнение требований следующего принципа:

(CP) лицо *Y* может быть виновно в отношении действия *φ* лица *X* (независимо от фактов, что $Y=X$ или $Y \neq X$), если и только если в какой-то более ранний момент времени лицо *Y* могло предотвратить действия *φ* лица *X*⁴¹ [72, р. 16].

Данный принцип многим кажется очень правдоподобным. Например, было бы странным винить вас в том, что в порыве внезапной ярости ваш знакомый коллега убил случайного прохожего. Вы просто ничего не могли с этим сделать и хотя бы поэтому вас не следует винить за случившееся. Другое дело, если ваш коллега за пару дней до убийства признался вам, что он твердо намерен это сделать.

В вашем распоряжении было достаточно времени, чтобы предотвратить будущую трагедию, но вы ничего не сделали (не позвонили в полицию, даже не попытались отговорить от задуманного вашего коллегу и т.д.). В такой ситуации кажется вполне уместным обвинить вас в случившемся.

Аналогичным образом скептики могли бы сказать, что *H2* находился в таком положении, что он никак не предотвратил бы преступления против человечности (даже если бы очень этого захотел). Ведь в тот момент, когда они совершались, *H2* просто-напросто еще не существовал. Тем не менее данное возражение бьет мимо цели, и, точно так же как в случае с принципом PP, мы должны отвергнуть выраженное CP требование. Я считаю тривиальным различие в причинах, по которым принципал *H2* не мог предотвратить преступные деяния своего агента *H1*. Я думаю, что для правильного решения вопроса о наказании *H2* за совершенные *H1* преступления против человечности в действительности не имеет никакого значения, был ли *H2* не способен предотвратить их по причине своего несуществования либо по каким-то другим возможным причинам (вроде пребывания в анабиозе или где-то под завалами в заброшенной шахте Тюрингии). В конечном счете мои будущие временные части ровно по той же самой причине не способны предотвратить совершаемые мной сейчас действия, но это никак не помешает им в дальнейшем нести за них ответственность [ср. с этим: 102, р. 425–427].

Второе возражение тесно связано с ключевым для агентского права понятием субсидиарной ответственности. Правовая доктрина вины по ассоциации (*vicarious culpability*) довольно часто становится объектом критики со стороны юристов за ошибочное предположение, что намерения агентов (*mens rea*) можно приписывать принципалам точно так же, как их действия (*actus reus*). Критики говорят о том, что существует асимметрия между намерениями и действиями. Предположим, я нанимаю агента по недвижимости купить для меня дом. Мне безразличен цвет дома, но моему агенту нравятся красные дома, и в итоге он покупает мне красный дом. Действие моего агента по покупке красного дома приписывается мне на правах принципала. Действительно, мне было бы трудно не признать истинным суждение 'я купил красный дом'. Проблема в том, что вместе с действием агента по покупке красного дома мне нельзя приписать соответствующее намерение, ведь суждение 'я намеревался купить красный дом', в отличие от суждения 'мой агент намеревался купить красный дом', очевидным образом будет ложным. Подобная асимметрия актов приписывания намерений и действий ставит доктрину вины по ассоциации в скользкое положение, ведь становится практически невозможным доказать факт наличия у принципала вне всяких разумных сомнений соответствующей действиям их агентов виновной воли (*mens rea*)⁴².

Я думаю, что в руках умелых скептиков подобная критика действительно становится сильным оружием против теории морально-правовой ответственности АПТ, и поэтому к ней необходимо относиться со всей серьезностью. Однако, по счастью, в примере Уокера мы можем себе позволить проигнорировать данное возражение. Очевидно, ситуация *H1* и *H2* отличается от обычных дел, рассматриваемых в судах на основе доктрины агентского права, ведь нам известно, что *H2* является агентно-эквивалентным дубликатом *H1*. Знания одного только этого

факта нам достаточно, чтобы мы могли с *полными основаниями и вне всяких разумных сомнений* приписать принципалу *H2* намерения агента *H1* в виде идентичной виновной воли (*mens rea*).

Благодарности

Я благодарен всем участникам Летней философской школы Иллюминация-2022 (20–23 августа 2022 года, Тюменский государственный университет), — и в особенности Максиму Гаврилову, Тимофею Дёмину, Роману Кочневу, Антону Кузнецову, Евгению Логинову, Ираиде Нехаевой, Тарасу Тарасенко, Богдану Фаулю, Игорю Чубарову, Артему Юнусову, — за полезные комментарии и конструктивную критику во время обсуждения дrafта этой статьи.

Примечания

¹ В юриспруденции такой факт является составной частью *объективной стороны* рассматриваемого в суде уголовного дела и состоит в наличии у обвиняемого *actus reus* (добровольного телесного действия). Важно проводить различие между *actus reus* (виновным действием как событием) и *mens rea* (виновным умыслом как ментальным состоянием). Только взятые совместно *actus reus* и *mens rea* и доказанные согласно принятым правовым стандартам, они влекут за собой уголовную ответственность в большинстве современных юрисдикций (Шотландии, Англии, Австралии, США, Новой Зеландии и др.), предполагая в качестве основания правовой принцип (J1) *actus reus non facit reum nisi mens sit rea* («действие не делает лицо виновным, если только не виновен и его разум», т.е. действие не обязательно является виновным, если у обвиняемого нет соответствующего ментального состояния, необходимого для совершения этого преступления).

² Под стандартным определением наказания принято понимать дефиницию, предложенную Энтони Флю [2], Стэнли Бенном [3] и Гербертом Хартом [4]: (L') Чтобы действие являлось примером наказания, должны быть удовлетворены следующие условия: (i) оно должно сопровождаться страданиями или другими последствиями, обычно считающимися неприятными; (ii) оно должно быть за нарушение действующих правовых норм; (iii) оно должно налагаться на фактического или предполагаемого правонарушителя за его преступление; (iv) оно должно намеренно налагаться лицами, отличными от правонарушителя; (v) оно должно налагаться и осуществляться карающим органом, специально созданным правовой системой, против которой совершено преступление [подробнее см.: 5, р. 456–457; также см.: 6, р. 316–325]. Иногда к условиям (i)–(v) добавляют условие Джозеля Фейнберга [7, р. 400]: (vi) оно должно также выражать отношение обиды и суждения порицания со стороны либо самого карающего органа, либо лиц, во имя которых наказание налагается [подробнее см.: 5, р. 457]. Для меня такая дефиниция неприемлема хотя бы по той причине, что обвинительный приговор суда невиновному лицу, в соответствии с условием (iii), фактически не будет налагать на него никакого наказания. Дефиниция Флю-Бенна-Харта открыто отрицает проблему наказания невиновного лица, — ведь если наказание означает (i) причинение страданий кому-либо за то, что (iii) он виновен в совершении преступления, тогда наказание невиновного лица становится *логически невозможным*. Это кажется очень странным. И я полностью солидарен с ироничным комментарием Джеффри Реймана и Эрнеста ван ден Хаага: «... наказание невиновных не может быть устранено ссылкой на значение слов... Дело тут не в словах, а в действиях. ... тех действиях над невиновными лицами, которые мы называем 'наказаниями', когда совершаем их по отношению к виновным лицам, независимо от того, правильно ли с лингвистической точки

зрения продолжать эти действия так именовать или нет. <...> ...очевидно, что мы не можем избавиться от проблемы, просто размахивая перед ней своими словарями» [8, р. 229; также см.: 9; 10, р. 42–44; 11, р. 10].

³ Например, согласно экспертным оценкам, количество невиновных лиц в США, получивших обвинительный приговор, составляет от 0,5 % до 7,9 % всех рассматриваемых в судах дел (даже по самым скромным оценкам каждый год осуждаются несколько тысяч невиновных человек) [12, р. 1343].

⁴ В данном случае речь ведется об общей доктрине сдерживания (*general deterrence theories*). Она защищает тезис о том, что наказание морально оправдано в той степени, в которой оно помогает сдерживать потенциальных преступников, и ее следует отличать от частной доктрины сдерживания (*specific deterrence theories*) и от доктрины превентивизма (*preventionism*). Первая утверждает, что наказание морально оправдано, если только оно нацелено на сдерживание конкретных виновных лиц, а именно самих осужденных преступников. Вторая полагает, что непропорциональное (по своим масштабам) наказание конкретных виновных лиц может иметь моральное оправдание в тех случаях, когда помогает снизить угрозу совершения новых преступлений освободившимися из мест заключения преступниками [16, р. 152–153].

⁵ Интуитивное предубеждение против практики наказания невиновных лиц часто рассматривается как *ultima ratio* в любой системе справедливого уголовного правосудия и известно в юриспруденции еще со времен Римского права. Во второй половине XVIII века английский юрист Уильям Блэкстоун афористично выразил его в форме правового принципа (J4) «закон гласит, что лучше, чтобы десять виновных избежали наказания, чем пострадал один невиновный» [21, р. 352]. В статье нет отдельной задачи оценить верность данного принципа [подробнее об этом см.: 8; 14; также см.: 22, р. 757–758], но я считаю важным обратить внимание, что сама по себе интуиция о недопустимости наказания невиновного лица может встретить с нашей стороны сопротивление. Достаточно взять последовательный ряд немного измененных сценариев мысленного эксперимента Уокера. Рассмотрим сценарий (i). Нацистские ученые с помощью инопланетной машины создают *H2* (дубликат Гитлера), а в тело *H1* помещают идентификационный чип. В момент штурма Берлина *H1* решает не пускать себе пулю в лоб, а придумывает новый план спасения. Он просто извлекает из своего тела чип, и теперь никто не в состоянии отличить *H1* от *H2* (разве что кроме них самих). После падения Берлина *H1* и *H2* были пойманы и отправлены на скамью Нюрнбергского трибунала. Каждый из них заявляет, что он *H2* (дубликат Гитлера) и невиновен в преступлениях против человечности. Допустим, вы судья Нюрнбергского трибунала и перед вами стоит дилемма — либо наказать обоих, либо оправдать. Очевидно, что первый приговор будет включать в себя наказание невиновного, а второй — оправдание виновного. Что вы выбираете? Предположим, решаете оправдать обоих. Тогда рассмотрим сценарий (ii). В нем существуют сразу два однояйцевых брата-близнеца *H1* и *H1** — Адольф и Дольф Гитлеры [8, р. 228]. Оба они — злодеи, правила нацистской Германией коллективно и вместе совершали преступления против человечности. Остальные детали данного сценария аналогичны предыдущему: нацистскими учеными создается *H2* (дубликат братьев Гитлеров), в тела *H1* и *H1** помещаются идентификационные чипы, которые в момент штурма Берлина удаляются, *H1*, *H1** и *H2* ловятся союзниками и отправляются на скамью Нюрнбергского трибунала. Вы судья, и перед вами стоит очередная дилемма — либо наказать всех троих, либо оправдать. Первый приговор включает в себя наказание одного невиновного, а второй — оправдание двух виновных. Что вы выбираете? Предположим, решаете оправдать всех троих. Очевидно, мы можем продолжить строить все новые и новые сценарии, увеличивая круг виновных лиц за счет включения в него дополнительного

однойцевому брату-близнецу Гитлера (Рудольфа, Рэндольфа, Гендольфа и т.д.). В каждом таком сценарии будет сохраняться исходная дилемма: либо наказать всех подсудимых (включая одного невиновного), либо оправдать. Естественно предположить, что в каком-то сценарии вы откажитесь от своего интуитивного предубеждения о недопустимости наказания невиновных и вынесете обвинительный приговор, поскольку сумма несправедливости, которая возникнет из-за оправдания десятков, сотен или даже тысяч виновных, недопустимым образом перевесит зло от наказания одного невиновного. Если же вы продолжите выносить в каждом новом сценарии оправдательные приговоры, то просто поставите систему правосудия в условия, когда ее существование будет лишено всякого смысла, так как ни одна из ее ключевых функций (возмездие, сдерживание и т.д.) не будет выполняться.

⁶ Подобного рода критика часто преподносится как решающее опровержение утилитарных теорий наказания и, в частности, связываемой с ними общей доктрины сдерживания. Но в целом у нее есть (как минимум) два существенных недостатка. Во-первых, даже среди радикальных утилитаристов мы не найдем никого, кто поддержал бы данный аргумент. Единственным исключением, пожалуй, является Чезаре Беккариа — миланский юрист и правовед, живший во второй половине XVIII века и считавший, что необходимо казнить невиновного человека, если его смерть единственный реальный способ удержать других людей от совершения преступлений [23, р. 67; также см.: 20, р. 121–122]. Известно, что «бумажный тигр» утилитарных теорий наказания, в котором идея об оправданности наказания невиновных подается как составная часть их наследия, во многом изобретается и получает широкое хождение благодаря усилиям ряда представителей британского идеализма, — в особенности Альфреда Юинга [24]. Во-вторых, не существует чистых утилитарных теорий, в которых сдерживание потенциальных преступников является единственной оправданной целью наказания, скорее есть множество консеквенциалистских теорий с различными сторонними ограничениями (Side-Constrained Consequentialist Theories) [5, р. 455–456]. Стандартная точка зрения защитников доктрины сдерживания заключается в том, что практика наказания невиновных была бы неэффективна. Наказание заведомо невиновного лица (или даже лица, чья вина вызывает серьезные сомнения) будет ослаблять сдерживающий фактор, который разумная система правосудия, напротив, должна пытаться усилить. Для иллюстрации достаточно взять предельный случай, когда в некотором политическом сообществе смертная казнь назначается лицам, произвольно отобранным для этой цели из числа всех граждан (как виновных, так и невиновных). При такой системе назначения смертной казни естественно предположить, что сложившаяся в политическом сообществе практика наказания вообще не создает никакого фактора сдерживания [25, р. 736].

⁷ Чтобы устранить неоднозначность логической связки 'есть' в наших разговорах о типах и токенах, а также их отношениях между собой, теория абстрактных объектов Эдварда Залты предлагает различать два разных вида предикации — экземплификацию [F^{x_1, x_2, \dots, x_n}] и кодирование [xF] [26, р. 12; 27, р. 60; также см.: 28, р. 764].

⁸ Интуиция нам подсказывает, что для конкретных объектов, вроде токенов личности $H_{\{1, 2, \dots, n\}}$, должны соблюдаться два важных экзистенциальных условия [29, р. 279]: (ЕС1) токен $H_{\{n\}}$ мог бы жить совершенно иной жизнью — не той, что $H_{\{n\}}$ живет в действительности (The Alternative Possibility); (ЕС2) токен $H_{\{n\}}$ мог бы не существовать вовсе, — но мог бы быть какой-то другой токен, который в действительности жил бы точно такой же жизнью, что и $H_{\{n\}}$, если бы существовал (The Distinctness Possibility).

⁹ Аналогичным образом, например, заявляя 'шотландцы — хорошие философы', мы подразумеваем вовсе не то, что 'все шотландцы — хорошие философы', а намного более скромное утверждение, что 'шотландцы отличаются от дру-

гих наций тем, что среди них есть хорошие философы' [30, р. 119].

¹⁰ Это значит, что утверждения общей формы 'ответственность, возлагаемая на агента X за действие ϕ , всегда требует соблюдения условия *быть владельцем* (автором) этого действия' следует оценивать как ложные. Не трудно показать, что (по крайней мере) некоторые виды ответственности — к примеру, наложение бремени за последствия совершенного действия (liability), — вовсе не требуют признания авторства со стороны того, на кого возлагается такого рода ответственность. Допустим, если я владелец магазина пончиков и в момент обслуживания одного из клиентов нанятый мной сотрудник совершает что-то непростительное (скажем, роняет на клиента пончик, измазав тем самым его одежду), вследствие чего клиент предъявляет иск, требуя оплатить услуги химчистки, то в такой ситуации не сотрудник, а именно я, как владелец магазина, несу ответственность в виде возлагаемого бремени расходов по данному иску, даже несмотря на тот очевидный факт, что автором этого действия был мой сотрудник.

¹¹ Следует обратить внимание, в частности, что в аргументе защиты посылка D3 спекулирует на подмене отношения (r2) в виде возложения ответственности за наступившие последствия совершенных преступлений, оцениваемые обычно в качестве надлежащего правового основания для наказания, отношением (r1), фиксирующим условие, необходимое для установления личности *владельца* (автора) конкретных преступных деяний (например, в форме соответствующих приказов об окончательном решении еврейского вопроса, геноциде мирного населения на оккупированных территориях СССР и т.д.). Это не более чем попытка сбить нас с толку, направив обсуждение вопросов ответственности и наказуемости $H2$ за последствия преступлений против человечности в русло бесплодных споров о недопустимости признания $H2$ владельцем (автором) всех этих преступлений.

¹² Такое вполне возможно, если мы принимаем во внимание тот факт, что абстрактные сущности не рассматриваются как объекты, которые подчиняются закону Лейбница о тождестве неразличимых $[(O!x \vee O!y) \rightarrow (\forall F(Fx \equiv Fy) \rightarrow x = y)]$ [36, р. 376]. Поэтому нельзя исключить существование двух разных абстрактных объектов H и H^* , которые неразличимы в отношении экземплифицируемых свойств $[\exists H \exists H^* (A!H \wedge A!H^* \wedge H \neq H^* \wedge \forall F(FH \equiv FH^*))]$ [36, р. 389]. Абстрактные объекты H и H^* тождественны тогда и только тогда, когда они неразличимы в отношении свойств, которые они кодируют $[(A!H \wedge A!H^*) \rightarrow (\forall F(HF \equiv H^*F) \rightarrow H = H^*)]$ [36, р. 377].

¹³ Весьма показательным, например, является тот факт, что один из авторов знаменитой операции по трансплантации полушарий мозга, ставшей прообразом для целого семейства мысленных экспериментов по ветвлению личностей во времени, Дэвид Уиггинс пишет: «... несмотря на трудности, связанные с *тождеством*, многие люди, сталкиваясь с подобными мысленными экспериментами, чувствуют почти непреодолимое желание найти способ сохранить *обоим* получившимся в результате деления личностям нечто похожее на тождество с той исходной личностью, которая претерпела деление. В обществе, где люди время от времени претерпевали бы деление, но которое проявляло бы настойчивость в своем интересе к тому, что Локк называл 'сознанием, которое влечет за собой наказание или награду', злоумышленник вряд ли мог бы избежать ответственности, спланировав и осуществив свое собственное деление» [37, р. 138]. Специально для скептиков следует сделать оговорку о том, что дело здесь не только в теоретических фантазиях отдельных философов [35, р. 120; 38, р. 108–111; 39, р. 291; 40, р. 64–67; 41, р. 739–740; 42, р. 5–6], но и в наличии у нас вполне конкретных моральных интуиций, дополнительно подкрепляемых важным правовым принципом ($J5$) *Nil inultum remanebit* («ничто не остаётся безнаказанным»).

¹⁴ Данные теории возникают на основе двух источников: (i) SQ-концепции тождества Эли Хирша, которая уста-

навивает в качестве критерия тождества объектов их пространственно-временную и качественную непрерывность [43, р. 211–235]; (ii) психологической концепции тождества Дерекка Парфита, в частности, критерия тождества, согласно которому личность Y в момент времени t_2 является той же личностью, что и личность X в момент времени t_1 , если (с1) между X и Y есть психологическая преемственность (в виде перекрывающихся цепочек сильной психологической связанности), (с2) она не приобретает ветвящейся формы (нет никакой другой личности Z , которая связана с X точно такими же отношениями психологической преемственности, что и Y), (с3) имеет любую причину (The Widest Psychological Criterion) [44, р. 207; также см.: 45, р. 381–382, 393; 46, р. 737–741; 47, р. 126–146].

¹⁵ Некоторые критики ТПС, однако, считают такой способ *передачи* моральной ответственности недопустимым [подробнее см.: 51, р. 250–252; 52, р. 45–47].

¹⁶ Из числа сторонников ТПС, по всей видимости, только Скот Кэмпбелл готов допустить что-то подобное [45, р. 387].

¹⁷ В отличие от вопросов о тождестве, вопросы о наказании являются *ультимативными* [40, р. 64–67; также см.: 53, с. 77]. Перефразируя знаменитый принцип Гарольда Нунана [54, р. 13], мы могли бы сказать, что наш ответ на вопрос о том, должен ли Y , существующий в момент времени t' , быть наказан за действие ϕ , совершенное X в момент времени t , никак не зависит от факта существования или несуществования в момент времени t' кого-либо еще, наподобие Z (где $t' > t$).

¹⁸ Контрфактическое условие CFC важно отличать от того, что мы могли бы назвать *модалным* условием для наказания, которое можно было бы выразить в форме следующего принципа: (MC) X обязательно совершит действие ϕ в момент времени t' , следовательно, X должен быть наказан за действие ϕ в момент времени t (где $t' > t$). Вопрос об оправданности преднаказания (наказания за преступление до его совершения), несмотря на кажущуюся свою контринтуитивность, вызывает среди философов вполне серьезные дискуссии [например, см.: 55–60]. Данный вопрос слишком сложный и требует отдельной аргументации, чтобы я его здесь разбирал. Детальное обсуждение обоснованности и оправданности практики преднаказания станет целью моей будущей статьи.

¹⁹ Элементы расширенной защиты CFC есть в работах Майкла Циммермана [59; 61], а также, частично, в QOW-теориях моральной ответственности (Quality of Will Theories) [подробнее см.: 32; 41; 64; 65]. Наша привычка оправдывать наказание агентов негативными результатами их действий основана на смешении эпистемологических и метафизических соображений. Разумеется, мы знаем о том, что между условиями действий агентов, при которых возникают негативные результаты, и определенными психологическими характеристиками агентов (убеждениями, желаниями, моральными склонностями и качествами воли) наблюдается высокая степень корреляции. Однако чисто интуитивно мы считаем неправильным оправдывать наказание агентов свойствами их характера (хотя и можем за них порицать), и поэтому взамен вынуждены оперировать негативными результатами их действий. В итоге принимаемые нами решения о наказании агентов ставятся в зависимость от разного рода случайных обстоятельств (включая различные виды моральной удачи). А это не может не вызывать у нас заслуженного беспокойства относительно того, в какой мере привычные практики наказания соответствуют идеалам справедливости. Принятие CFC как условия для наказания помогает нам устранить причины данного беспокойства. Ведь, согласно требованиям CFC, именно *высокая степень ожидаемости* негативных результатов действий агентов, а вовсе не сами эти негативные результаты, является правильным основанием для наших решений о наказании агентов. Для иллюстрации представим себе два возможных мира W и W^* , в каждом из которых есть своя тройка агентов — X , Y , Z и X^* , Y^* , Z^* , — которые являются кросс-мировыми двойниками. Это значит, что X в мире W и X^* в мире W^* обладают тождественными физическими

и психологическими характеристиками (оба имеют одинаковые убеждения, желания, моральные склонности и качества воли), то же самое верно для Y в мире W и Y^* в мире W^* , а также для Z в мире W и Z^* в мире W^* . Допустим теперь, что в мире W агенты X и Y одинаково сильно желают смерти агента Z и намериваются его убить, выбрав для этого один и тот же момент времени t . Аналогичным образом их кросс-мировые двойники X^* и Y^* в мире W^* , одинаково сильно желая смерти агента Z^* , также выбирают для его убийства один и тот же момент времени t' (где $t' = t$). Допустим далее, что в момент времени t в мире W агент Z был фактически убит агентом X , в то время как его кросс-мировой двойник X^* в мире W^* по случайному стечению обстоятельств этого не сделал. В мире W^* в момент времени t' агент Z^* был фактически убит агентом Y^* , тогда как его кросс-мировой двойник Y в мире W из-за того же случайного стечения обстоятельств его не убивал (в мире W , как мы помним, фактически это сделал X). Очевидно, что в нашем примере разница в том, кто фактически убил агентов Z и Z^* в каждом из рассматриваемых нами миров W и W^* , зависит от одних только случайных обстоятельств. Например, в обоих мирах обе пары агентов-убийц в одно и то же время сели в автомобили, находящиеся на одинаковом расстоянии от места будущего преступления, но из-за случайной поломки автомобиля агента Y в мире W агент Z в итоге был фактически убит агентом X , в то время как в мире W^* все произошло с точностью до наоборот — из-за случайной поломки автомобиля агента X^* в мире W^* фактическое убийство агента Z^* в итоге было совершено агентом Y^* . На первый взгляд кажется, что в представленном нами примере нет никакой особой проблемы с вопросами наказания конкретных лиц, виновных в преступлении. В убийстве агента Z в мире W виновен агент X , а агента Z^* в мире W^* — агент Y^* , стало быть, они и должны понести в своих мирах наказание. Однако при более внимательном взгляде мы замечаем, что описываемые в примере события ставят нас перед дилеммой. Если мы согласны, что решение о виновности и соответствующем наказании не должно зависеть от случайных обстоятельств (либо каких-то произвольных факторов вроде длины соломинки в судебном жребии или числа на игральной кости), тогда в ситуации с кросс-мировыми двойниками для нас было бы ошибочным решение наказать только агента X в мире W и только агента Y^* в мире W^* . Оно находилось бы в прямой зависимости от случайных обстоятельств. Ведь тот факт, что только X в мире W и только Y^* в мире W^* были наказаны, в то время их кросс-мировые двойники Y в мире W и X^* в мире W^* наказанию не подверглись, можно было бы оправдать только случайными поломками соответствующих автомобилей в мирах W и W^* . Поскольку интуитивно правдоподобное решение (наказать только агента X в мире W и только агента Y^* в мире W^*) не может быть нами принято, значит, перед нами дилемма: либо следует не наказывать никого в обоих мирах W и W^* , либо, напротив, следует наказать обе пары агентов — X , Y и X^* , Y^* . Единственный разумный способ от нее избавиться — это поддержать контрфактическое условие CFC и наказать обоих агентов в каждом из миров на основании высокой степени ожидаемости негативных результатов их действий (в описываемом примере она принимает значение 'вне всяких разумных сомнений').

²⁰ Отдельно стоит отметить, что использование CFC при решении вопросов о наказании не создает никаких дополнительных угроз для ситуаций, в которых задействованы обычные личности, а не их полные и точные дубликаты. Ведь очевидно, что контрфактуал (i) 'на моем месте ты сделал бы то же самое, что и я' радикальным образом отличается от контрфактуала (ii) 'на моем месте моя полная и точная копия сделала бы то же самое, что и я'. В ситуации (i) сколь угодно полное и точное описание обстоятельств, в которых я совершал действие (или того, что значит быть на моем месте), никак не может нам гарантировать вывода. Вы вполне могли бы оказаться на моем месте (в смысле абсолютно эквивалентных

обстоятельств, в которых я находился в момент времени, когда совершал действие), но это не значит, что вы обязательно поступили бы *точно так же*, как я. Просто потому, что вы — не я (и не моя полная и точная копия). Напротив, в ситуации (ii) вывод о том, что будь некто на моем месте и будь он моей полной и точной копией, он поступил бы *иначе*, чем я, кажется нам крайне неправдоподобным.

²¹ Существует аналог данного принципа для судебного наказания, предложенный Иммануилом Кантом: «Наказание по сугу (roena forensis)... лишь *потому* должно налагать на преступника, что он совершил преступление» [66, с. 370]. Хотя, пожалуй, самая удачная и лаконичная формулировка принадлежит Стивену Чамплину: «... всякое наказание — ЗА что-то» [9, р. 85; также см.: 11, р. 10].

²² Очевидно, что возлагать вину только на кого-то одного из числа *n* личностей-предшественников было бы заведомо произвольным и несправедливым решением.

²³ Оригинальный пример реализации подобной стратегии можно обнаружить в ряде современных доктрин *rescatus originale* («первородного греха»), отстаивающих следующие два утверждения: (i) состояние первородного греха является результатом действия агента, жившего в незапамятные времена; (ii) все люди рождаются виновными в этом действии [подробнее см.: 71, р. 341–345; 72].

²⁴ Большинство сторонников 4D онтологий, по-видимому, недооценивают значимость структурного различия между процедурами деления и дубликации, предпочитая просто игнорировать тот факт, что у оригинальной личности и ее дубликата нет никаких общих временных частей [35, р. 129].

²⁵ Принцип PP, напротив, держится на примате идеи тождества личности над ее ответственностью. Ведь, согласно требованиям PP, чтобы *X* мог нести за действие *φ* ответственность, он должен быть тем же лицом, которое его совершило. И это ставит теории моральной ответственности в условия жестких ограничений со стороны принимаемых нами теорий тождества. Неудивительно, что ряд исследователей под разными предлогами отвергают данный принцип [35; 41; 42; 64; 82–85]. Например, Мария Шехтман оспаривает требования PP на том основании, что они не могут обеспечить нам наличие достаточно сильной связи между преступлением и наказываемым лицом; она считает, что критерий нарративной характеристики личности лучше справляется с решением вопросов моральной ответственности, чем опирающийся на факты тождества критерий реидентификации [83, р. 90–91]. Более радикально настроенные критики, вроде Дэвида Шумейкера, Эндрю Хури и Бенджамина Мэтисона, открыто выдвигают и защищают принцип, в котором ответственность не нуждается в тождестве: (RWI) Тождество *X* во времени не является ни необходимым, ни достаточным условием для приписывания индивидуальной ответственности [35, р. 109, 123; 41, р. 739; 42, р. 5; 64, р. 206; 84, р. 330].

²⁶ По словам Эрика Виланда: «Предположим, произошло ужасное убийство, и я несу за него квази-ответственность. Обычно это происходит потому, что я являюсь человеком, который убил жертву. <...> Но мы можем представить себе случай, когда я несу только квази-ответственность. Меня обвиняют, проклинают и наказывают за убийство, хотя я сам никого не убивал» [82, р. 83].

²⁷ Ниже я буду использовать только самые общие правовые формулы агентского права, игнорируя многие существенные для судебных решений тонкости, вроде необходимости проводить строгие различия между разными типами агентов (агентами делькредере, акционерами, директорами, брокерами, маклерами, ликвидаторами, партнерами, экспедиторами и т.д.). Для целей, которые я ставлю перед своей теорией морально-правовой ответственности АПП, подобные тонкости просто не важны.

²⁸ Фидуциарный (трастовый) характер отношений между принципалом и агентом играет ключевую роль для судебных решений в случаях, когда отношения между принципалом

и агентом не были закреплены доверенностью или контрактом [86, р. 48].

²⁹ В соответствии с общей правовой формулой агентского права, на принципалов (по умолчанию) возлагается ответственность за действия или бездействие агентов в пределах их полномочий [86, р. 5]. Более того, в определенных случаях закон также признает существование агентства с возможностью ответственности принципала за поведение своего агента, когда принципал не имеет намерения уполномочивать кого-либо действовать в качестве своего агента, — например, если кто-либо соглашается с претензиями другого лица представлять его, такое молчаливое согласие может создавать агентские отношения даже в отсутствие прямой доверенности со стороны принципала [88, р. 215].

³⁰ Английское право изобилует прецедентами, когда закон возлагает на компании ответственность за их деятельность в условиях полной неспособности со стороны данных компаний осуществлять контроль над действиями своих агентов.

³¹ В некоторых случаях закон готов возложить на принципала ответственность за действия агента, совершенные без его санкции, — например, при условиях: (i) если поведение принципала давало повод его агенту сделать разумный вывод о том, что ему были предоставлены полномочия что-либо сделать от лица принципала; (ii) если принципал знал или должен был знать, что такое его поведение может позволить агенту сделать подобный вывод [88, р. 217]. Было бы большой ошибкой думать, что ответственность возлагается на принципала тогда и только тогда, когда он специально санкционирует определенные действия агента. Принципал никогда этого не делает; он не делегирует агенту право на совершение каких-то определенных действий, а скорее *доверяет* право выносить собственные суждения, какие действия нужно совершить, чтобы лучшим образом реализовать интересы принципала. В агентском праве, если агент действует таким образом, что может обоснованно ожидать того, что принципал хотел бы, чтобы он так действовал, принципал может быть привлечен к ответственности даже за непредвиденные действия, совершенные агентом [88, р. 214].

³² Согласно AP1, решающим фактором уместности возложения на принципала морально-правовой ответственности за действия, совершаемые его агентом, будет то, совершаются ли данные действия агентом в интересах принципала или нет. Именно интерес принципала в некоторых конкретных положениях дел, как результате совершенных агентом действий, а не контроль или что-либо еще, служит основанием распределения ответственности в агентском праве. Стоит отметить также, что любые стандартные ситуации, где нет никакой дубликации, деления мозга, загрузки сознания в другие тела, путешествий во времени или чего-то подобного должны нами рассматриваться просто как частные случаи модели отношений агент-принципал. Факты тождества или психологической преемственности не являются для этого препятствием. Более поздние временные части *X* могут нести некоторые виды ответственности за определенные действия более ранних временных частей *X* по причине того, что данные действия совершались в их интересах (в смысле создания в результате данных действий таких положений дел, в которых они, как принципалы, приобретали какие-то выгоды либо несли какие-то потери).

³³ Некоторые виды ответственности, — например, виновность (*culpability*), — не делятся на части, подобно пирогу, в соответствии с правилом 'чем больше лиц делают ответственность, тем меньше доля каждого' [88, р. 223–224; 89, р. 115; также см.: 90, р. 618–619]. В ситуациях, когда вина за совершенное преступление должна быть возложена дважды — и на принципала, и на агента — каждый из них *полностью* в нем виновен.

³⁴ Наличие двух '+' в столбце означает, что данный вид ответственности, в соответствии с принципом AP6, может возлагаться дважды — и на принципала, и на агента.

³⁵ Наличие двух '+' в столбце указывает на то, что для данного вида ответственности наши суждения в случаях его синхронического и диахронического возложения могут различаться.

³⁶ Данные экспериментальной философии показывают, что принцип РН имплицитно разделяется подавляющим большинством людей [92].

³⁷ Джулс Коулман и Александр Сарч указывают также, что сами по себе длительные естественные психологические изменения, которые мы неизбежно претерпеваем с течением времени, могут сделать наши акты порицания *неуместными* даже тогда, когда, казалось бы, порицаемое нами лицо сохраняет достаточные психологические связи со своими прошлыми действиями [93, р. 106–109].

³⁸ В этой статье мне недостаточно места, чтобы детально развить и защитить специальную теорию наказания, которая реализовывала бы принципы AP1–AP7. Поэтому я ограничусь небольшим комментарием. Я считаю, что ответственность (Cul) в виде виновности за совершенное кем-либо преступление *искупается только наказанием*. Похожих взглядов на вопросы наказания придерживался, как известно, Георг Гегель, заявлявший о том, что государство посредством наказания отрицает, аннулирует или *снимает* (Aufzuheben) созданное преступлением зло, восстанавливая тем самым справедливое общественное устройство (Annulment Theory) [96, с. 145–153; также см.: 1, р. 4; 97, р. 1581–1583; 98, р. 372–388; 99, р. 116–117; 100, р. 42]. Еще одним, может быть даже более близким, взглядом является оригинальная концепция наказания Стивена Гарви [101], согласно которой такие приоритетные цели наказания, как искупление и примирение преступника со своим сообществом, просто не могут быть достигнуты без процесса наказания (Atonement Theory). Так что для меня в целом нет ничего загадочного в случаях, где некоторое лицо X может нести ответственность (Ass) в виде заслуженного порицания и в то же время не быть виновным в том, за что его порицают, а значит, — и не заслуживающим наказания (либо уже, если речь идет, скажем, о преступнике, отбывшем свое наказание, однако, сохранившем все свои прежние 'преступные' психологические характеристики, либо еще, допустим, когда человек весьма склонен к преступным действиям, но пока не совершил ни одного из них). Так же как нет ничего загадочного в противоположных случаях, где некоторое лицо X заслуживает наказания за совершенное кем-то преступление (возможно им самим, хотя и не обязательно), но не заслуживает порицания. Классической иллюстрацией подобных случаев служит предложенный Парфитом пример нобелевского лауреата, который в свои 90 лет признается, что в возрасте 20 лет он серьезно искалечил полицейского в пьяной драке [44, р. 326]. Парфит использует его для защиты своего подхода к наказанию (Connectedness-Based Approach to Punishment): (СВАР) чем меньше существующая в данный момент времени личность имеет прямых психологических связей с собой в момент времени, когда совершалось преступление, тем в меньшей степени она заслуживает наказания, а иногда даже может быть полностью от него освобождена. Я думаю, Парфит здесь ошибается; он смешивает два разных вида ответственности — (Ass) вменяемость и (Cul) виновность. Нынешний нобелевский лауреат действительно уже не заслуживает порицания за совершенное в молодости преступление (слишком мало прямых психологических связей сохранилось за прошедшие с момента преступления 70 лет), но это никак не отменяет факта его виновности в том, что тогда произошло [ср. с этим: 93; 95; 102–104]. Я считаю, что оставить его безнаказанным было бы с нашей стороны неправильным решением, поскольку лежащая на нем вина за совершенное в молодости преступление может быть *снята* только посредством наказания. На возражение со стороны Парфита, что основанный на принципе СВАР психологический подход к наказанию может быть одной из причин того, что законы устанавливают сроки исковой давности, по истечению которых мы не можем

быть наказаны за преступления, можно ответить указанием на то, что для этого у нас есть намного более естественные и основанные на здравом смысле объяснения. Истинные причины существования сроков исковой давности по преступлениям не метафизические, а прагматические и инструментальные. Думаю, для всех очевидно, что с течением времени вещественные доказательства могут испортиться, свидетели стать недоступными (по причине смерти, потери памяти в результате травм и болезней), поэтому наши доказательства фактов преступления и участия в нем обвиняемого в целом будут становиться менее надежными и в какой-то момент просто перестанут удовлетворять действующий высокий правовой стандарт (судебной формуле '*вне всяких разумных сомнений*'). Неслучайно, что Верховный суд США дал по этому поводу специальное разъяснение: «... срок исковой давности предназначен, чтобы оградить людей от необходимости защищать себя от обвинений, когда основные факты могли быть с течением времени утрачены» [105; см. интересные критические комментарии об официальной судебной доктрине Prosecuting Old Crimes as Unfair to the Defendant: 92, р. 249–250; 93, р. 105–106; 106, р. 2058–2060].

³⁹ Наиболее интуитивно правдоподобные объяснения того, почему *H2* как принципал *виновен* в преступлениях против человечности, совершенных его агентом *H1*, заключаются в том, что (i) он каким-то образом извлекает выгоду из зла и преступлений *H1*, (ii) он в какой-то степени разделяет установки, которые мотивировали *H1* на причинение данного зла и совершение этих преступлений (по очевидным причинам, такое объяснение не вызывает никаких сомнений, если мы примем во внимание тот факт, что *H2* является точным и полным дубликатом *H1*), либо (iii) сложилась некоторая комбинация (i) и (ii) [ср. с этим: 95, р. 344–345].

⁴⁰ Ситуация *H1* и *H2* отличается от примера с садовником, который с моего молчаливого согласия (как работодателя) отравил соседского козла. Как мы помним, там вина за содеянное возлагалась *только* на принципала, представленного в моем лице. Многим может показаться, что, принимая решение о солидарной виновности *H1* и *H2*, мы действуем в произвольной манере, руководствуясь лишь крайней формой чувства отвращения, ненависти и презрения, которые у всех нормальных людей вызывают личности, наподобие *H1* и *H2*. Поэтому в ситуации *H1* и *H2* точно так же, как и в примере с моим садовником, правильным решением было бы возложить вину за произошедшие события (Холокост, использование рабского труда и т.д.) на *одного* только принципала *H2*. Однако правильность и оправданность решения о солидарной вине *H1* и *H2* легко проверить с помощью контрфактического условия для наказания СФС. Представьте, что *H1* и *H2* поменялись бы ролями и *H2* занял бы место агента, совершавшего преступные действия в интересах своего принципала *H1*. Очевидно, что в такой ситуации в мире ровным счетом ничего не изменилось бы, все известные нам факты остались бы прежними и произошли бы все те же самые события, которые в нем на самом деле произошли (Холокост, использование рабского труда и т.д.). Теперь представьте, что я и мой садовник поменялись бы ролями и он занял бы место принципала, став моим работодателем, а я — место действующего в его интересах агента. Можете ли вы в этом случае утверждать вне всяких разумных сомнений, что я *обязательно* отравил бы соседского козла? Я думаю, что вывод на основе контрфактуала '*на месте моего садовника я сделал бы то же самое, что и он*' будет иметь в лучшем случае только вероятностный характер, но этого нам будет явно недостаточно, чтобы удовлетворить действующий высокий правовой стандарт доказывания вины в виде судебной формулы '*вне всяких разумных сомнений*'.

⁴¹ Принцип СР может быть выведен из более общего *принципа преготовратимости*, предложенного Питером ван Инвагеном [107, р. 210]: (PPP) X несет ответственность за определенное положение дел τ (как результат действия ϕ) тогда и только тогда, когда (i) данное положение дел τ действи-

тельно имело место и (ii) X мог предотвратить его возникновение.

⁴² Тем не менее существуют действующие судебные прецеденты в виде обвинительных приговоров по уголовным делам, где доктрина вины по ассоциации становилась правовой основой судебного решения. Наиболее известным из них является дело *Berhanu v. Metzger* (1990) [108], в котором окружной суд штата Орегон в лице судьи Дженифер Уайлс вынес обвинительный приговор предполагаемым лидерам неонацистского движения *Белое арийское сопротивление* (White Aryan Resistance) — Тому Мэдгеру и его родному сыну Джону за совершенное в 1988 году группой скинхедов из Портленда убийство эфиопского студента [подробнее см.: 109].

Библиографический список

- Altman M. C. A Theory of Legal Punishment: Deterrence, Retribution, and the Aims of the State. London: Routledge, 2021. 299 p.
- Flew A. The Justification of Punishment // *Philosophy*. 1954. Vol. 29, № 111. P. 291–307. DOI: 10.1017/S0031819100067152.
- Benn S. I. An Approach to the Problems of Punishment // *Philosophy*. 1958. Vol. 33, № 127. P. 325–341. DOI: 10.1017/S0031819100055017.
- Hart H. L. A. Prolegomenon to the Principles of Punishment // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1960. Vol. 60, № 1. P. 1–26. DOI: 10.1093/aristotelian/60.1.1.
- Wood D. Punishment: Consequentialism // *Philosophy Compass*. 2010. Vol. 5, № 6. P. 455–469. DOI: 10.1111/j.1747-9991.2010.00287.x.
- McCloskey H. J. The Complexity of the Concepts of Punishment // *Philosophy*. 1962. Vol. 37, № 142. P. 307–325. DOI: 10.1017/S0031819100062136.
- Feinberg J. The Expressive Function of Punishment // *The Monist*. 1965. Vol. 49, № 3. P. 397–423. DOI: 10.5840/monist196549326.
- Reiman J., Van Den Haag E. On the Common Saying That It Is Better That Ten Guilty Persons Escape Than That One Innocent Suffer: Pro and Con // *Social Philosophy and Policy*. 1990. Vol. 7, № 2. P. 226–248. DOI: 10.1017/S0265052500000844.
- Champlin T. S. Punishment without Offence // *American Philosophical Quarterly*. 1976. Vol. 13, № 1. P. 85–87.
- Boonin D. *The Problem of Punishment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 299 p.
- Zimmerman M. *The Immorality of Punishment*. Buffalo, New York: Broadview Press, 2011. 183 p.
- Givelber D. J. Meaningless Acquittals, Meaningful Convictions: Do We Reliably Acquit the Innocent? // *Rutgers Law Review*. 1997. Vol. 49, № 2. P. 1342–1358.
- Ellis A. A Deterrence Theory of Punishment // *The Philosophical Quarterly*. 2003. Vol. 53, № 212. P. 337–351. DOI: 10.1111/1467-9213.00316.
- Halvorsen V. Is It Better That Ten Guilty Persons Go Free Than That One Innocent Person Be Convicted? // *Criminal Justice Ethics*. 2004. Vol. 23, № 2. P. 3–13. DOI: 10.1080/0731129X.2004.9992168.
- Philips M. The Inevitability of Punishing the Innocent // *Philosophical Studies*. 1985. Vol. 48, № 3. P. 389–391. DOI: 10.1007/BF01305397.
- Lee H.-W. Consequentialist Theories of Punishment // *The Palgrave Handbook on the Philosophy of Punishment* / Ed. M. C. Altman. London: Palgrave Macmillan, 2023. P. 149–169.
- McCloskey H. J. A Non-Utilitarian Approach to Punishment // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. 1965. Vol. 8, № 1–4. P. 249–263. DOI: 10.1080/00201746508601433.
- Cragg W. *The Practice of Punishment: Towards a Theory of Restorative Justice*. London: Routledge, 1992. 214 p.
- Braithwaite J. Pettit P. *Not Just Deserts: A Republican Theory of Criminal Justice*. Oxford: Clarendon Press, 2002. 229 p.
- Brooks T. Deterrence // *Deterrence* / Ed. T. Brooks. London: Routledge, 2014. P. 117–135.
- Blackstone W. *Commentaries on the Laws of England: Book the Fourth*. Oxford: The Clarendon Press, 1769. 483 p.
- Yost B. S. The Impermissibility of Execution // *The Palgrave Handbook on the Philosophy of Punishment* / Ed. M. C. Altman. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 747–769.
- Beccaria C. *On Crimes and Punishments and Other Writings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 177 p.
- Rosen F. Utilitarianism and the Punishment of the Innocent: The Origins of a False Doctrine // *Utilitas*. 1997. Vol. 9, № 1. P. 23–37. DOI: 10.1017/S0953820800005112.
- Sunstein C. R., Vermeule A. Is Capital Punishment Morally Required? Acts, Omissions, and Life-Life Tradeoffs // *Stanford Law Review*. 2005. Vol. 58, № 3. P. 703–750.
- Zalta E. N. *Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1983. 193 p.
- Zalta E. N. Typed Object Theory // *Abstract Objects: For and Against* / Eds. J. L. Falguera, C. Martinez-Vidal. Cham: Springer, 2020. P. 59–88.
- Bueno O., Zalta E. N. Object Theory and Modal Meinongianism // *Australasian Journal of Philosophy*. 2017. Vol. 95, № 4. P. 761–778. DOI: 10.1080/00048402.2016.1260609.
- Perrett R. W., Barton C. Personal Identity, Reductionism and the Necessity of Origins // *Erkenntnis*. 1999. Vol. 51, № 2/3. P. 277–294. DOI: 10.1023/A:1005455206904.
- Wetzel L. *Types and Tokens: On Abstract Objects*. Cambridge, MA: The MIT Press, 2009. 180 p.
- Watson G. Two Faces of Responsibility // *Philosophical Topics*. 1996. Vol. 24, № 2. P. 227–248. DOI: 10.5840/philtopics199624222.
- Shoemaker D. Attributability, Answerability, and Accountability: Toward a Wider Theory of Moral Responsibility // *Ethics*. 2011. Vol. 121, № 3. P. 602–632. DOI: 10.1086/659003.
- Smith A. M. Attributability, Answerability, and Accountability: In Defense of a Unified Account // *Ethics*. 2012. Vol. 122, № 3. P. 575–589. DOI: 10.1086/664752.
- Ананьев Д. Понятия и концепции моральной ответственности // *Финиковый компот*. 2020. № 15. С. 101–107. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-101-107.
- Shoemaker D. Responsibility without Identity // *The Harvard Review of Philosophy*. 2012. Vol. 18, № 1. P. 109–132. DOI: 10.5840/harvardreview20121816.
- Zalta E. N. *Principia Logico-Metaphysica* (draft, 04.06.2023). 1432 p. URL: <https://mally.stanford.edu/principia.pdf> (дата доступа: 08.06.2023).
- Wiggins D. Locke, Butler and the Stream of Consciousness: And Men as a Natural Kind // *Philosophy*. 1976. Vol. 51, № 196. P. 131–158. DOI: 10.1017/S003181910002057X.
- Shoemaker S. Personal Identity: A Materialist's Account // *Personal Identity* / Eds. R. Swinburne, S. Shoemaker. Oxford: Blackwell, 1984. P. 69–132.
- Sinnott-Armstrong W., Behnke S. Criminal Law and Multiple Personality Disorder: The Vexing Problems of Personhood and Responsibility // *Southern California Interdisciplinary Law Journal*. 2001. Vol. 10, № 2. P. 277–296.
- Wasserman R. Personal Identity, Indeterminacy and Obligation // *Personal Identity: Complex or Simple?* / Eds. G. Gasser, M. Stefan. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 63–81.
- Khoury A. C. Synchronic and Diachronic Responsibility // *Philosophical Studies*. 2013. Vol. 165, № 3. P. 735–752. DOI: 10.1007/s11098-012-9976-6.
- Khoury A. C. Individual and Collective Responsibility // *Reflections on Ethics and Responsibility: Essays in Honor of Peter A. French* / Ed. Z. J. Goldberg. Dordrecht: Springer, 2017. P. 1–20.
- Hirsch E. *The Concept of Identity*. Oxford: Oxford University Press, 1982. 318 p.

44. Parfit D. *Reasons and Persons*. Oxford: Oxford University Press, 1986. 560 p.
45. Campbell S. Is Causation Necessary for What Matters in Survival? // *Philosophical Studies*. 2005. Vol. 126, № 3. P. 375–396. DOI: 10.1007/s11098-004-7786-1.
46. Sidelle A. Parfit on 'the Normal/a Reliable/any Cause' of Relation R // *Mind*. 2011. Vol. 120, № 479. P. 735–760. DOI: 10.1093/mind/fzr050.
47. Ehring D. W. *What Matters in Survival: Personal Identity and Other Possibilities*. Oxford: Oxford University Press, 2021. 226 p.
48. Kolak D., Martin R. *Personal Identity and Causality: Becoming Unglued* // *American Philosophical Quarterly*. 1987. Vol. 24, № 4. P. 339–347.
49. Siderits M. Ehring on Parfit's Relation R // *Analysis*. 1988. Vol. 48, № 1. P. 29–32. DOI: 10.1093/analys/48.1.29.
50. Elliot R. *Personal Identity and the Causal Continuity Requirement* // *The Philosophical Quarterly*. 1991. Vol. 41, № 162. P. 55–75. DOI: 10.2307/2219786.
51. Yi H. Against Psychological Sequentialism // *Axiomathes*. 2014. Vol. 24, № 2. P. 247–262. DOI: 10.1007/s10516-013-9221-8.
52. Köhler S. Moral Responsibility without Personal Identity? // *Erkenntnis*. 2021. Vol. 86, № 1. P. 39–58. DOI: 10.1007/s10670-018-0092-7.
53. Нехаев А. В. Английское философское дерби: Джон Локк versus Дерек Парфит // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2019. Т. 4, № 2. С. 72–81. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-72-81.
54. Noonan H. W. *Personal Identity*. London: Routledge, 2003. 236 p.
55. New C. Time and Punishment // *Analysis*. 1992. Vol. 42, № 1. P. 35–40. DOI: 10.1093/analys/52.1.35.
56. Smilansky S. The Time to Punish // *Analysis*. 1994. Vol. 54, № 1. P. 50–53. DOI: 10.1093/analys/54.1.50.
57. New C. Punishing Times: Reply to Smilansky // *Analysis*. 1995. Vol. 55, № 1. P. 60–62. DOI: 10.1093/analys/55.1.60.
58. Feldman F. Desert: Reconsideration of Some Received Wisdom // *Mind*. 1995. Vol. 104, № 413. P. 63–77. DOI: 10.1093/mind/104.413.63.
59. Zimmerman M. J. Time and Punishment // *Time and Ethics: Essays at the Intersection* / Ed. H. Dyke. Dordrecht: Springer Science + Business Media, 2003. P. 55–70.
60. Haji I. *Libertarian Openness, Blameworthiness, and Time* // *Freedom and Determinism* / Eds. J. K. Campbell, M. O'Rourke, D. Shier. Cambridge, MA: The MIT Press, 2004. P. 135–150.
61. Zimmerman M. J. Taking Luck Seriously // *The Journal of Philosophy*. 2002. Vol. 99, № 11. P. 553–576. DOI: 10.2307/3655750.
62. Khoury A. C. Responsibility, Tracing, and Consequences // *Canadian Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 42, № 3/4. P. 187–207. DOI: 10.1080/00455091.2012.10716774.
63. Shoemaker D. Qualities of Will // *Social Philosophy and Policy*. 2013. Vol. 30, № 1/2. P. 95–120. DOI: 10.1017/S0265052513000058.
64. Khoury A. C., Matheson B. Is Blameworthiness Forever? // *Journal of the American Philosophical Association*. 2018. Vol. 4, № 2. P. 204–224. DOI: 10.1017/apa.2018.17.
65. Мерцалов А. В. Агентность, тождество личности и моральная ответственность // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2022. № 5. С. 72–90.
66. Кант И. *Метафизика нравов в двух частях (1797)* // *Критика практического разума*. Санкт-Петербург: Наука, 2005. С. 259–505.
67. Lewis D. *Survival and Identity* // *Philosophical Papers*. New York: Oxford University Press, 1983. Vol. 1. P. 55–72.
68. Heller M. Temporal Parts of Four Dimensional Objects // *Philosophical Studies*. 1984. Vol. 46, № 3. P. 323–334. DOI: 10.1007/BF00372910.
69. Inwagen P. Four-Dimensional Objects // *Noûs*. 1990. Vol. 24, № 2. P. 245–255. DOI: 10.2307/2215526.
70. Sider T. *Four-Dimensionalism: An Ontology of Persistence and Time*. Oxford: Clarendon Press, 2001. 255 p.
71. Rea M. *The Metaphysics of Original Sin* // *Persons: Human and Divine* / Eds. D. Zimmerman, P. Inwagen. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 319–356.
72. Effingham N. Fission Theories of Original Guilt // *International Journal for Philosophy of Religion*. 2022. Vol. 92, № 1. P. 15–30. DOI: 10.1007/s11153-021-09823-w.
73. Robinson D. Can Amoebae Divide without Multiplying? // *Australasian Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 63, № 3. P. 299–319. DOI: 10.1080/00048408512341901.
74. Anscombe G. E. M. Were You a Zygote? // *Royal Institute of Philosophy Supplements*. 1984. Vol. 18. P. 111–115. DOI: 10.1017/S0957042X00003138.
75. Shoemaker S. *Self-Knowledge and Self-Identity*. Ithaca: Cornell University Press, 1963. 264 p.
76. Wiggins D. *Identity and Spatio-Temporal Continuity*. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 84 p.
77. Парфит Д. Тождество личности / пер. с англ. Р. Л. Кочнева // *Омский научный вестник. Серия: Общество. История. Современность*. 2019. Т. 4, № 2. С. 94–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-94-107.
78. Perry J. Can the Self Divide? // *The Journal of Philosophy*. 1972. Vol. 69, № 16. P. 463–488. DOI: 10.2307/2025324.
79. Гоббс Т. *Левифан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского* // *Сочинения*. В 2 т. Москва: Мысль, 1991. Т. 2. С. 3–590.
80. Fleming S. *Leviathan on a Leash: A Theory of State Responsibility*. Princeton: Princeton University Press, 2020. 202 p.
81. Fleming S. The Two Faces of Personhood: Hobbes, Corporate Agency and the Personality of the State // *European Journal of Political Theory*. 2021. Vol. 20, № 1. P. 5–26. DOI: 10.1177/1474885117731941.
82. Wiland E. *Personal Identity and Quasi-Responsibility* // *Moral Responsibility and Ontology* / Ed. T. van den Beld. Dordrecht: Springer-Science + Business Media, 2000. P. 77–87.
83. Schechtman M. *The Constitution of Selves*. Ithaca: Cornell University Press, 1996. 169 p.
84. Matheson B. Compatibilism and Personal Identity // *Philosophical Studies*. 2014. Vol. 170, № 2. P. 317–334. DOI: 10.1007/s11098-013-0220-9.
85. Monton B. *Morality Grounds Personal Identity* // *Philosophical Analysis*. 2014. № 31. P. 1–26.
86. Dal Pont G. E. *Law of Agency*. Chatswood, NSW: LexisNexis Butterworths, 2014. 711 p.
87. Stone R. *Law of Agency*. London: Routledge-Cavendish, 1996. 196 p.
88. Draper K. *War and Individual Rights: The Foundations of Just War Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 254 p.
89. Zimmerman M. Sharing Responsibility // *American Philosophical Quarterly*. 1985. Vol. 22, № 2. P. 115–122.
90. Nollkaemper A. Concurrence Between Individual Responsibility and State Responsibility in International Law // *International and Comparative Law Quarterly*. 2003. Vol. 52, № 3. P. 615–640. DOI: 10.1093/iclq/52.3.615.
91. Zimmerman M. *An Essay on Moral Responsibility*. Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 1988. 210 p.
92. Mott C. *Statutes of Limitations and Personal Identity* // *Oxford Studies in Experimental Philosophy* / Eds. T. Lombrozo, J. Knobe, S. Nichols. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 243–269.
93. Coleman J., Sarch A. Blameworthiness and Time // *Legal Theory*. 2012. Vol. 18, № 2. P. 101–137. DOI: 10.1017/S1352325212000158.
94. Beck S. Parfit and the Russians // *Analysis*. 1989. Vol. 49, № 4. P. 205–209. DOI: 10.1093/analys/49.4.205.
95. Douglas T. *Violating Wrongs from the Distant Past* // *Law and Philosophy*. 2019. Vol. 38, № 4. P. 335–358. DOI: 10.1007/s10982-019-09352-8.

96. Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. Москва: Мысль, 1990. 526 с.
97. Dubber M. D. *Rediscovering Hegel's Theory of Crime and Punishment* // *Michigan Law Review*. 1994. Vol. 92, № 6. P. 1577–1621. DOI: 10.2307/1289596.
98. Anderson J. A. *Annulment Retributivism: A Hegelian Theory of Punishment* // *Legal Theory*. 1999. Vol. 5, № 4. P. 363–388. DOI: 10.1017/S1352325299054014.
99. Brooks T. *Is Hegel a Retributivist?* // *Hegel Bulletin*. 2004. Vol. 25, № 1/2. P. 113–126. DOI: 10.1017/S0263523200002044.
100. Bessler J. D. *The Philosophy of Punishment and the Arc of Penal Reform: From Ancient Lawgivers to Renaissance and the Enlightenment, and Through the Nineteenth Century* // *The Palgrave Handbook on the Philosophy of Punishment* / Ed. M. C. Altman. London: Palgrave Macmillan, 2023. P. 23–52.
101. Garvey S. P. *Punishment as Atonement* // *University of California at Los Angeles Law Review*. 1999. Vol. 46, № 6. P. 1801–1858.
102. Dresser R. *Personal Identity and Punishment* // *Boston University Law Review*. 1990. Vol. 70, № 2. P. 395–446.
103. Glannon W. *Moral Responsibility and Personal Identity* // *American Philosophical Quarterly*. 1998. Vol. 35, № 3. P. 231–249.
104. Ferzan K. K. *Patty Hearst Reconsidered: Personal Identity in the Criminal Law* // *Ohio State Journal of Criminal Law*. 2018. Vol. 15, № 2. P. 367–394.
105. *Toussie v. United States (1970)* // *U.S. Reports – Supreme Court*. Vol. 397. P. 112. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/397/112/> (дата доступа: 03.05.2023).
106. Diamantis M. E. *Limiting Identity in Criminal Law* // *Boston College Law Review*. 2019. Vol. 60, № 7. P. 2011–2100.
107. Inwagen P. *Ability and Responsibility* // *The Philosophical Review*. 1978. Vol. 87, № 2. P. 201–224. DOI: 10.2307/2184752.
108. *Berhanu v. Metzger*, № A8911-07007 (Circuit Court of Oregon for Multnomah County, 1990). URL: <https://www.splcenter.org/seeking-justice/case-docket/berhanu-v-metzger> (дата доступа: 03.05.2023).
109. Rosenthal E. *White Supremacy and Hatred in the Streets of Portland: The Murder of Mulugeta Seraw* // *Oregon Historical Quarterly*. 2019. Vol. 120, № 4. P. 588–605. DOI: 10.5403/oregonhistq.120.4.0588.

НЕХАЕВ Андрей Викторович, доктор философских наук, доцент (Россия), профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета, г. Омск; профессор кафедры «Философия» Тюменского государственного университета, г. Тюмень; научный сотрудник Лаборатории логико-философских исследований Томского научного центра СО РАН, г. Томск.
 SPIN-код: 5844-9381
 AuthorID (РИНЦ): 394939
 ORCID: 0000-0003-1358-743X
 AuthorID (SCOPUS): 57211853279
 ResearcherID: M-7208-2016
 Адрес для переписки: avnehaev@omgtu.ru

Для цитирования

Нехаев А. В. Наказание (не)виновных? // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2023. Т. 8, № 3. С. 73–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-73-94.

Статья поступила в редакцию 13.07.2023 г.
 © А. В. Нехаев

PUNISHING (NOT) INNOCENT PERSONS?

This article provides a critical analysis of Mark Walker's type-token theory. This theory purports to describe, explain, and justify the mechanism by which moral and legal responsibility can be attributed to exact and complete duplicates of persons. However, Walker's defence of the view of persons as abstract entities is met with several metaphysical objections. Alternatively, a new approach to moral and legal responsibility is developed based on principles of agency law, in which the conception of a guilty person does not require identity with the person who committed the culpable act.

Keywords: personal identity, moral responsibility, type-token theory, psychological sequentialism, punishment of the innocent, agency equivalence, culpability.

Acknowledgements

I am grateful to all the participants in the Illumination-2022 Summer Philosophy School (August 20–23, 2022, Tyumen State University), — and especially to Maxim Gavrilov, Timofey Demin, Roman Kochnev, Anton Kuznetsov, Evgeny Loginov, Iraida Nekhaeva, Taras Tarasenko, Bogdan Faul, Igor Chubarov, Artem Yunusov — for all their helpful comments and constructive criticism during discussion of the draft of this paper.

References

1. Altman M. C. *A Theory of Legal Punishment: Deterrence, Retribution, and the Aims of the State*. London: Routledge, 2021. 299 p. (In Engl.).
2. Flew A. *The Justification of Punishment* // *Philosophy*. 1954. Vol. 29, no. 111. P. 291–307. DOI: 10.1017/S0031819100067152. (In Engl.).
3. Benn S. I. *An Approach to the Problems of Punishment* // *Philosophy*. 1958. Vol. 33, no. 127. P. 325–341. DOI: 10.1017/S0031819100055017. (In Engl.).
4. Hart H. L. A. *Prolegomenon to the Principles of Punishment* // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1960. Vol. 60, no. 1. P. 1–26. DOI: 10.1093/aristotelian/60.1.1. (In Engl.).
5. Wood D. *Punishment: Consequentialism* // *Philosophy Compass*. 2010. Vol. 5, no. 6. P. 455–469. DOI: 10.1111/j.1747-9991.2010.00287.x. (In Engl.).
6. McCloskey H. J. *The Complexity of the Concepts of Punishment* // *Philosophy*. 1962. Vol. 37, no. 142. P. 307–325. DOI: 10.1017/S0031819100062136. (In Engl.).
7. Feinberg J. *The Expressive Function of Punishment* // *The Monist*. 1965. Vol. 49, no. 3. P. 397–423. DOI: 10.5840/monist196549326. (In Engl.).
8. Reiman J., Van Den Haag E. *On the Common Saying That It Is Better That Ten Guilty Persons Escape Than That One Innocent Suffer: Pro and Con* // *Social Philosophy and Policy*. 1990. Vol. 7, no. 2. P. 226–248. DOI: 10.1017/S0265052500000844. (In Engl.).
9. Champlin T. S. *Punishment without Offence* // *American Philosophical Quarterly*. 1976. Vol. 13, no. 1. P. 85–87. (In Engl.).
10. Boonin D. *The Problem of Punishment*. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 299 p. (In Engl.).
11. Zimmerman M. *The Immorality of Punishment*. Buffalo, New York: Broadview Press, 2011. 183 p. (In Engl.).
12. Givelber D. J. *Meaningless Acquittals, Meaningful Convictions: Do We Reliably Acquit the Innocent?* // *Rutgers Law Review*. 1997. Vol. 49, no. 2. P. 1342–1358. (In Engl.).
13. Ellis A. *A Deterrence Theory of Punishment* // *The Philosophical Quarterly*. 2003. Vol. 53, no. 212. P. 337–351. DOI: 10.1111/1467-9213.00316. (In Engl.).
14. Halvorsen V. *Is It Better That Ten Guilty Persons Go Free Than That One Innocent Person Be Convicted?* // *Criminal Justice Ethics*. 2004. Vol. 23, no. 2. P. 3–13. DOI: 10.1080/0731129X.2004.9992168. (In Engl.).
15. Philips M. *The Inevitability of Punishing the Innocent* // *Philosophical Studies*. 1985. Vol. 48, no. 3. P. 389–391. DOI: 10.1007/BF01305397. (In Engl.).
16. Lee H.-W. *Consequentialist Theories of Punishment* // *The Palgrave Handbook on the Philosophy of Punishment* / Ed. M. C. Altman. London: Palgrave Macmillan, 2023. P. 149–169. (In Engl.).
17. McCloskey H. J. *A Non Utilitarian Approach to Punishment* // *Inquiry: An Interdisciplinary Journal of Philosophy*. 1965. Vol. 8, no. 1–4. P. 249–263. DOI: 10.1080/00201746508601433. (In Engl.).
18. Cragg W. *The Practice of Punishment: Towards a Theory of Restorative Justice*. London: Routledge, 1992. 214 p. (In Engl.).
19. Braithwaite J., Pettit P. *Not Just Deserts: A Republican Theory of Criminal Justice*. Oxford: Clarendon Press, 2002. 229 p. (In Engl.).
20. Brooks T. *Deterrence* // *Deterrence* / Ed. T. Brooks. London: Routledge, 2014. P. 117–135. (In Engl.).
21. Blackstone W. *Commentaries on the Laws of England: Book the Fourth*. Oxford: The Clarendon Press, 1769. 483 p. (In Engl.).
22. Yost B. S. *The Impermissibility of Execution* // *The Palgrave Handbook on the Philosophy of Punishment* / Ed. M. C. Altman. Cham: Palgrave Macmillan, 2023. P. 747–769. (In Engl.).
23. Beccaria C. *On Crimes and Punishments and Other Writings*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 177 p. (In Engl.).
24. Rosen F. *Utilitarianism and the Punishment of the Innocent: The Origins of a False Doctrine* // *Utilitas*. 1997. Vol. 9, no. 1. P. 23–37. DOI: 10.1017/S0953820800005112. (In Engl.).
25. Sunstein C. R., Vermeule A. *Is Capital Punishment Morally Required? Acts, Omissions, and Life-Life Tradeoffs* // *Stanford Law Review*. 2005. Vol. 58, no. 3. P. 703–750. (In Engl.).
26. Zalta E. N. *Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics*. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company, 1983. 193 p. (In Engl.).

27. Zalta E. N. Typed Object Theory // Abstract Objects: For and Against / Eds. J. L. Falguera, C. Martinez-Vidal. Cham: Springer, 2020. P. 59–88. (In Engl.).
28. Bueno O., Zalta E. N. Object Theory and Modal Meinongianism // Australasian Journal of Philosophy. 2017. Vol. 95, no. 4. P. 761–778. DOI: 10.1080/00048402.2016.1260609. (In Engl.).
29. Perrett R. W., Barton C. Personal Identity, Reductionism and the Necessity of Origins // Erkenntnis. 1999. Vol. 51, no. 2/3. P. 277–294. DOI: 10.1023/A:1005455206904. (In Engl.).
30. Wetzel L. Types and Tokens: On Abstract Objects. Cambridge, MA: The MIT Press, 2009. 180 p. (In Engl.).
31. Watson G. Two Faces of Responsibility // Philosophical Topics. 1996. Vol. 24, no. 2. P. 227–248. DOI: 10.5840/philtopics199624222. (In Engl.).
32. Shoemaker D. Attributability, Answerability, and Accountability: Toward a Wider Theory of Moral Responsibility // Ethics. 2011. Vol. 121, no. 3. P. 602–632. DOI: 10.1086/659003. (In Engl.).
33. Smith A. M. Attributability, Answerability, and Accountability: In Defense of a Unified Account // Ethics. 2012. Vol. 122, no. 3. P. 575–589. DOI: 10.1086/664752. (In Engl.).
34. Ananyev D. Ponyatiya i kontseptsii moral'noy otvetstvennosti [The Concept and Conceptions of Moral Responsibility] // Date Palm Compote. 2020. No. 15. P. 101–107. DOI: 10.24412/2587-9308-2020-15-101-107. (In Russ.).
35. Shoemaker D. Responsibility without Identity // The Harvard Review of Philosophy. 2012. Vol. 18, no. 1. P. 109–132. DOI: 10.5840/harvardreview20121816. (In Engl.).
36. Zalta E. N. Principia Logico-Metaphysica (draft, 04.06.2023). 1432 p. URL: <https://mally.stanford.edu/principia.pdf> (accessed: 08.06.2023). (In Engl.).
37. Wiggins D. Locke, Butler and the Stream of Consciousness: And Men as a Natural Kind // Philosophy. 1976. Vol. 51, no. 196. P. 131–158. DOI: 10.1017/S003181910002057X. (In Engl.).
38. Shoemaker S. Personal Identity: A Materialist's Account // Personal Identity / Eds. R. Swinburne, S. Shoemaker. Oxford: Blackwell, 1984. P. 69–132. (In Engl.).
39. Sinnott-Armstrong W., Behnke S. Criminal Law and Multiple Personality Disorder: The Vexing Problems of Personhood and Responsibility // Southern California Interdisciplinary Law Journal. 2001. Vol. 10, no. 2. P. 277–296. (In Engl.).
40. Wasserman R. Personal Identity, Indeterminacy and Obligation // Personal Identity: Complex or Simple? / Eds. G. Gasser, M. Stefan. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. P. 63–81. (In Engl.).
41. Khoury A. C. Synchronic and Diachronic Responsibility // Philosophical Studies. 2013. Vol. 165, no. 3. P. 735–752. DOI: 10.1007/s11098-012-9976-6. (In Engl.).
42. Khoury A. C. Individual and Collective Responsibility // Reflections on Ethics and Responsibility: Essays in Honor of Peter A. French / Ed. Z. J. Goldberg. Dordrecht: Springer, 2017. P. 1–20. (In Engl.).
43. Hirsch E. The Concept of Identity. Oxford: Oxford University Press, 1982. 318 p. (In Engl.).
44. Parfit D. Reasons and Persons. Oxford: Oxford University Press, 1986. 560 p. (In Engl.).
45. Campbell S. Is Causation Necessary for What Matters in Survival? // Philosophical Studies. 2005. Vol. 126, no. 3. P. 375–396. DOI: 10.1007/s11098-004-7786-1. (In Engl.).
46. Sidelle A. Parfit on 'the Normal/a Reliable/any Cause' of Relation R // Mind. 2011. Vol. 120, no. 479. P. 735–760. DOI: 10.1093/mind/fzr050. (In Engl.).
47. Ehring D. W. What Matters in Survival: Personal Identity and Other Possibilities. Oxford: Oxford University Press, 2021. 226 p. (In Engl.).
48. Kolak D., Martin R. Personal Identity and Causality: Becoming Unglued // American Philosophical Quarterly. 1987. Vol. 24, no. 4. P. 339–347. (In Engl.).
49. Siderits M. Ehring on Parfit's Relation R // Analysis. 1988. Vol. 48, no. 1. P. 29–32. DOI: 10.1093/analys/48.1.29. (In Engl.).
50. Elliot R. Personal Identity and the Causal Continuity Requirement // The Philosophical Quarterly. 1991. Vol. 41, no. 162. P. 55–75. DOI: 10.2307/2219786. (In Engl.).
51. Yi H. Against Psychological Sequentialism // Axiomathes. 2014. Vol. 24, no. 2. P. 247–262. DOI: 10.1007/s10516-013-9221-8. (In Engl.).
52. Köhler S. Moral Responsibility without Personal Identity? // Erkenntnis. 2021. Vol. 86, no. 1. P. 39–58. DOI: 10.1007/s10670-018-0092-7. (In Engl.).
53. Nekhaev A. V. Angliyskoye filosofskoye derbi: Dzhon Lokk versus Derek Parfit [English Derby in Philosophy: John Locke versus Derek Parfit] // Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'. Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2019. Vol. 4, no. 2. P. 72–81. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-72-81. (In Russ.).
54. Noonan H. W. Personal Identity. London: Routledge, 2003. 236 p. (In Engl.).
55. New C. Time and Punishment // Analysis. 1992. Vol. 42, no. 1. P. 35–40. DOI: 10.1093/analys/52.1.35. (In Engl.).
56. Smilansky S. The Time to Punish // Analysis. 1994. Vol. 54, no. 1. P. 50–53. DOI: 10.1093/analys/54.1.50. (In Engl.).
57. New C. Punishing Times: Reply to Smilansky // Analysis. 1995. Vol. 55, no. 1. P. 60–62. DOI: 10.1093/analys/55.1.60. (In Engl.).
58. Feldman F. Desert: Reconsideration of Some Received Wisdom // Mind. 1995. Vol. 104, no. 413. P. 63–77. DOI: 10.1093/mind/104.413.63. (In Engl.).
59. Zimmerman M. J. Time and Punishment // Time and Ethics: Essays at the Intersection / Ed. H. Dyke. Dordrecht: Springer Science + Business Media, 2003. P. 55–70. (In Engl.).
60. Haji I. Libertarian Openness, Blameworthiness, and Time // Freedom and Determinism / Eds. J. K. Campbell, M. O'Rourke, D. Shier. Cambridge, MA: The MIT Press, 2004. P. 135–150. (In Engl.).
61. Zimmerman M. J. Taking Luck Seriously // The Journal of Philosophy. 2002. Vol. 99, no. 11. P. 553–576. DOI: 10.2307/3655750. (In Engl.).
62. Khoury A. C. Responsibility, Tracing, and Consequences // Canadian Journal of Philosophy. 2012. Vol. 42, no. 3/4. P. 187–207. DOI: 10.1080/00455091.2012.10716774. (In Engl.).
63. Shoemaker D. Qualities of Will // Social Philosophy and Policy. 2013. Vol. 30, no. 1/2. P. 95–120. DOI: 10.1017/S0265052513000058. (In Engl.).
64. Khoury A. C., Matheson B. Is Blameworthiness Forever? // Journal of the American Philosophical Association. 2018. Vol. 4, no. 2. P. 204–224. DOI: 10.1017/apa.2018.17. (In Engl.).
65. Mertsalov A. V. Agentnost', tozhdestvo lichnosti i moral'naya otvetstvennost' [Agency, Personal Identity, and Moral Responsibility] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filozofiya. Moscow University Bulletin. Series 7. Philosophy. 2022. No. 5. P. 72–90. (In Russ.).
66. Kant I. Metafizika нравов v dvukh chastyakh (1797) [Metaphysics of Morals] // Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]. St. Petersburg, 2005. P. 259–505. (In Russ.).
67. Lewis D. Survival and Identity // Philosophical Papers. New York: Oxford University Press, 1983. Vol. 1. P. 55–72. (In Engl.).
68. Heller M. Temporal Parts of Four Dimensional Objects // Philosophical Studies. 1984. Vol. 46, no. 3. P. 323–334. DOI: 10.1007/BF00372910. (In Engl.).
69. Inwagen P. Four-Dimensional Objects // Ноыс. 1990. Vol. 24, no. 2. P. 245–255. DOI: 10.2307/2215526. (In Engl.).
70. Sider T. Four-Dimensionalism: An Ontology of Persistence and Time. Oxford: Clarendon Press, 2001. 255 p. (In Engl.).
71. Rea M. The Metaphysics of Original Sin // Persons: Human and Divine / Eds. D. Zimmerman, P. Inwagen. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 319–356. (In Engl.).

72. Effingham N. Fission Theories of Original Guilt // *International Journal for Philosophy of Religion*. 2022. Vol. 92, no. 1. P. 15–30. DOI: 10.1007/s11153-021-09823-w. (In Engl.).
73. Robinson D. Can Amoebae Divide without Multiplying? // *Australasian Journal of Philosophy*. 1985. Vol. 63, no. 3. P. 299–319. DOI: 10.1080/00048408512341901. (In Engl.).
74. Anscombe G. E. M. Were You a Zygote? // *Royal Institute of Philosophy Supplements*. 1984. Vol. 18. P. 111–115. DOI: 10.1017/S0957042X00003138. (In Engl.).
75. Shoemaker S. *Self-Knowledge and Self-Identity*. Ithaca: Cornell University Press, 1963. 264 p. (In Engl.).
76. Wiggins D. *Identity and Spatio-Temporal Continuity*. Oxford: Basil Blackwell, 1967. 84 p. (In Engl.).
77. Parfit D. Tozhdestvo lichnosti [Personal Identity] / transl. from Engl. R. L. Kochnev // *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2019. Vol. 4, no. 2. P. 94–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2019-4-2-94-107. (In Russ.).
78. Perry J. Can the Self Divide? // *The Journal of Philosophy*. 1972. Vol. 69, no. 16. P. 463–488. DOI: 10.2307/2025324. (In Engl.).
79. Hobbes T. Leviathan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil] // *Sochineniya. V 2 t. [Works. In 2 vols.]*. Moscow, 1991. Vol. 2. P. 3–590. (In Russ.).
80. Fleming S. *Leviathan on a Leash: A Theory of State Responsibility*. Princeton: Princeton University Press, 2020. 202 p. (In Engl.).
81. Fleming S. The Two Faces of Personhood: Hobbes, Corporate Agency and the Personality of the State // *European Journal of Political Theory*. 2021. Vol. 20, no. 1. P. 5–26. DOI: 10.1177/1474885117731941. (In Engl.).
82. Wiland E. *Personal Identity and Quasi-Responsibility // Moral Responsibility and Ontology* / Ed. T. van den Beld. Dordrecht: Springer-Science + Business Media, 2000. P. 77–87. (In Engl.).
83. Schechtman M. *The Constitution of Selves*. Ithaca: Cornell University Press, 1996. 169 p. (In Engl.).
84. Matheson B. *Compatibilism and Personal Identity // Philosophical Studies*. 2014. Vol. 170, no. 2. P. 317–334. DOI: 10.1007/s11098-013-0220-9. (In Engl.).
85. Monton B. *Morality Grounds Personal Identity // Philosophical Analysis*. 2014. No. 31. P. 1–26. (In Engl.).
86. Dal Pont G. E. *Law of Agency*. Chatswood, NSW: LexisNexis Butterworths, 2014. 711 p. (In Engl.).
87. Stone R. *Law of Agency*. London: Routledge-Cavendish, 1996. 196 p. (In Engl.).
88. Draper K. *War and Individual Rights: The Foundations of Just War Theory*. Oxford: Oxford University Press, 2016. 254 p. (In Engl.).
89. Zimmerman M. *Sharing Responsibility // American Philosophical Quarterly*. 1985. Vol. 22, no. 2. P. 115–122. (In Engl.).
90. Nollkaemper A. *Concurrence Between Individual Responsibility and State Responsibility in International Law // International and Comparative Law Quarterly*. 2003. Vol. 52, no. 3. P. 615–640. DOI: 10.1093/iclq/52.3.615. (In Engl.).
91. Zimmerman M. *An Essay on Moral Responsibility*. Totowa, NJ: Rowman & Littlefield, 1988. 210 p. (In Engl.).
92. Mott C. *Statutes of Limitations and Personal Identity // Oxford Studies in Experimental Philosophy* / Eds. T. Lombrozo, J. Knobe, S. Nichols. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 243–269. (In Engl.).
93. Coleman J., Sarch A. *Blameworthiness and Time // Legal Theory*. 2012. Vol. 18, no. 2. P. 101–137. DOI: 10.1017/S1352325212000158. (In Engl.).
94. Beck S. *Parfit and the Russians // Analysis*. 1989. Vol. 49, No. 4. P. 205–209. DOI: 10.1093/analys/49.4.205. (In Engl.).
95. Douglas T. *Punishing Wrongs from the Distant Past // Law and Philosophy*. 2019. Vol. 38, no. 4. P. 335–358. DOI: 10.1007/s10982-019-09352-8. (In Engl.).
96. Hegel G. W. F. *Filosofiya prava [Elements of the Philosophy of Right]*. Moscow: Mysl', 1990. 526 p. (In Russ.).
97. Dubber M. D. *Rediscovering Hegel's Theory of Crime and Punishment // Michigan Law Review*. 1994. Vol. 92, no. 6. P. 1577–1621. DOI: 10.2307/1289596. (In Engl.).
98. Anderson J. A. *Annulment Retributivism: A Hegelian Theory of Punishment // Legal Theory*. 1999. Vol. 5, no. 4. P. 363–388. DOI: 10.1017/S1352325299054014. (In Engl.).
99. Brooks T. *Is Hegel a Retributivist? // Hegel Bulletin*. 2004. Vol. 25, no. 1/2. P. 113–126. DOI: 10.1017/S0263523200002044. (In Engl.).
100. Bessler J. D. *The Philosophy of Punishment and the Arc of Penal Reform: From Ancient Lawgivers to Renaissance and the Enlightenment, and Through the Nineteenth Century // The Palgrave Handbook on the Philosophy of Punishment* / Ed. M. C. Altman. London: Palgrave Macmillan, 2023. P. 23–52. (In Engl.).
101. Garvey S. P. *Punishment as Atonement // University of California at Los Angeles Law Review*. 1999. Vol. 46, no. 6. P. 1801–1858. (In Engl.).
102. Dresser R. *Personal Identity and Punishment // Boston University Law Review*. 1990. Vol. 70, no. 2. P. 395–446. (In Engl.).
103. Glannon W. *Moral Responsibility and Personal Identity // American Philosophical Quarterly*. 1998. Vol. 35, no. 3. P. 231–249. (In Engl.).
104. Ferzan K. K. *Patty Hearst Reconsidered: Personal Identity in the Criminal Law // Ohio State Journal of Criminal Law*. 2018. Vol. 15, no. 2. P. 367–394. (In Engl.).
105. *Toussie v. United States (1970) // U.S. Reports – Supreme Court*. Vol. 397. P. 112. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/397/112/> (accessed: 03.05.2023). (In Engl.).
106. Diamantis M. E. *Limiting Identity in Criminal Law // Boston College Law Review*. 2019. Vol. 60, no. 7. P. 2011–2100. (In Engl.).
107. Inwagen P. *Ability and Responsibility // The Philosophical Review*. 1978. Vol. 87, no. 2. P. 201–224. DOI: 10.2307/2184752. (In Engl.).
108. *Berhanu v. Metzger, № A8911-07007 (Circuit Court of Oregon for Multnomah County, 1990)*. URL: <https://www.splcenter.org/seeking-justice/case-docket/berhanu-v-metzger> (accessed: 03.05.2023). (In Engl.).
109. Rosenthal E. *White Supremacy and Hatred in the Streets of Portland: The Murder of Mulugeta Seraw // Oregon Historical Quarterly*. 2019. Vol. 120, no. 4. P. 588–605. DOI: 10.5403/oregonhistq.120.4.0588. (In Engl.).

NEKHAEV Andrei Viktorovich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of History, Philosophy and Social Communications Department, Omsk State Technical University, Omsk; Professor of Philosophy Department, Tyumen State University, Tyumen; Research Associate of the Laboratory of Logical and Philosophical Studies, Tomsk Scientific Center, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, RAS, Tomsk.
 SPIN-code: 5844-9381
 AuthorID (RSCI): 394939
 ORCID: 0000-0003-1358-743X
 AuthorID (SCOPUS): 57211853279
 ResearcherID: M-7208-2016
 Correspondence address: avnehaev@omgtu.ru

For citations

Nekhaev A. V. Punishing (Not) Innocent Persons? // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 3. P. 73–94. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-3-73-94.

Received July 13, 2023.

© A. V. Nekhaev